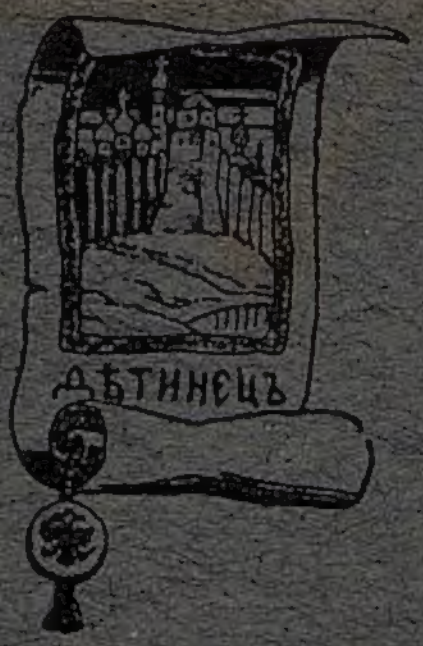
К72
№ 1
2214.
2898
2898

о «ДѢТИНЕЦЪ»
Серія II — № 1

Н. И. КОСТОМАРОВЪ

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ



БЕРЛИНЪ
1921

96090

К
К 72

К-во «ДѢТИНЕЦЪ»
Серія II — № 1

Н. И. КОСТОМАРОВЪ

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ

Инв. № ЗР-1721.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЦГА СССР Д. 2. № 06096

Хранилище печатных изданий ЦГАОР СССР ВХ. № ЗР-1503

БЕРЛИНЪ
1921

Мало въ исторіи найдется примѣровъ, когда бы новый государь вступилъ на престолъ при такихъ крайне печальныхъ обстоятельствахъ, при какихъ избранъ былъ шестнадцатилѣтній Михаилъ Ѳеодоровичъ. Съ двумя государствами, Польшею и Швеціею, не окончена была война. Оба эти государства владѣли окраинами московской державы и выставляли двухъ претендентовъ на московскій престолъ — двухъ соперниковъ новоизбранному царю. Третьяго соперника ему провозглашала казацкая вольница въ Астрахани въ особѣ малолѣтняго сына Марины, и Заруцкій, во имя его, затѣвалъ двинуть турокъ и татаръ на окончательное разореніе Московскаго Государства. Ожидали-было еще соперника царю и въ габсбургскомъ домѣ. Въ 1612 году цезарскій посланникъ Юсуфъ, проѣзжая черезъ Московское Государство изъ Персіи, видѣлся въ Ярославлѣ съ Пожарскимъ, и, услышавши отъ него жалобы на бѣдственное состояніе Московскаго Государства, замѣтилъ, что хорошо было бы, если бы московскіе люди пожелали избрать на престолъ цезарскаго брата Максимиліана. На это Пожарскій, какъ говорятъ, отвѣчалъ, что если бы цезарь далъ на Московское Государство своего брата, то московскіе люди приняли бы его съ великою радостью. Объ этомъ узнали въ Германіи; императоръ прислалъ Пожарскому похвальное слово; но Максимиліанъ, отговариваясь старостью, отказывался отъ русскаго престола. Императорскій посланникъ прибылъ въ Москву съ грамотою къ боярамъ въ то время, какъ уже избранъ былъ Михаилъ, и предлагалъ боярамъ въ цари другого императорскаго брата. Это встревожило новое правительство, и царь отправилъ пословъ въ Австрію съ такимъ объясненіемъ: мы никогда

этого не слыхали, да и въ мысли у бояръ и воеводъ и всякихъ чиновъ людей Московскаго Государства не было, чтобы выбирать государя не греческой вѣры. Если Пожарскій такъ говорилъ, то онъ поступилъ безъ совѣта всей Земли, а, быть можетъ, вашъ посланникъ Юсуфъ или переводчикъ сами это выдумали, чтобы выманить жалованье у своего государя[1]).

Внутри государства многіе города были сожжены до-тла, и самая Москва находилась въ развалинахъ. Повсюду бродили шайки подъ названіемъ казаковъ, грабили, сожигали жилища, убивали и мучили жителей. Внутреннія области сильно обезлюдѣли. Поселяне еще въ прошломъ году не могли убрать хлѣба и умирали отъ голода. Повсюду господствовала крайняя нищета; въ казнѣ не было денегъ и трудно было собрать ихъ съ разоренныхъ подданныхъ. Одна бѣда вела за собой другія, но самая величайшая бѣда состояла въ томъ, что московскіе люди, по мѣткому выраженію матери царя, «измалодушествовались». Всякій думалъ только о себѣ; мало было чувства чести и законности. Всѣ лица, которымъ повѣрялось управленіе и правосудіе, были склонны для своихъ выгодъ грабить и утѣснять подчиненныхъ не лучше казаковъ, наживаться на счетъ крови бѣднаго народа, вытягивать изъ него послѣдніе соки, зажиливать общественное достояніе въ то время, когда небходимо было для спасенія отечества крайнее самопожертвованіе. Молодого царя тотчасъ окружили лживые и корыстолюбивые люди, которые старались захватить себѣ какъ можно болѣе земель и присвоивали даже государевы дворцовыя села. Въ особенности родственники его матери, Салтыковы, стали играть тогда первую роль и сдѣлались первыми совѣтниками царя, между тѣмъ какъ лучшіе, наиболѣе честные дѣятели Смутнаго времени оставались въ тѣни

---

[1]) Важныхъ послѣдствій изъ этого не было никакихъ, но, тѣмъ не менѣе, до 1616 года отношенія къ императору были холодныя: въ особенности по причинѣ неумѣнія русскихъ пословъ вести себя прилично, и только въ этомъ году императоръ приказалъ увѣрить московскаго государя, что онъ не будетъ помогать польскому королю войскомъ и деньгами и не дозволитъ полякамъ нанимать ратныхъ людей въ своихъ владѣніяхъ.

заурядъ съ другими. Князь Дмитрій Пожарскій, за нежеланіе объявлять боярство новопожалованному боярину Борису Салтыкову, выданъ былъ ему головою[1]). Близь молодого царя не было людей, отличавшихся умомъ и энергіей: все только одна рядовая посредственность. Прежняя печальная исторія русскаго общества приносила горькіе плоды. Мучительства Ивана Грознаго, коварное правленіе Бориса, наконецъ, смуты и полное разстройство всѣхъ государственныхъ связей выработали поколѣніе жалкое, мелкое, поколѣніе тупыхъ и узкихъ людей, которые мало способны были стать выше повседневныхъ интересовъ. При новомъ шестнадцатилѣтнемъ царѣ не явилось ни Сильвестра, ни Адашева прежнихъ временъ. Самъ Михаилъ былъ отъ природы добраго, но, кажется, меланхолическаго нрава, не одаренъ блестящими способностями, но не лишенъ ума; зато не получилъ никакого воспитанія и, какъ говорятъ, вступивши на престолъ, едва умѣлъ читать.

Въ высшей степени знаменательно сужденіе одного голландца о тогдашнемъ состояніи Россіи: «Царь ихъ подобенъ солнцу, котораго часть покрыта облаками, такъ что земля московская не можетъ получить ни теплоты, ни свѣта... Всѣ приближенные царя — несвѣдующіе юноши; ловкіе и дѣловые приказные — алчные волки; всѣ, безъ различія, грабятъ и разоряютъ народъ. Никто не доводитъ правды до царя; къ царю нѣтъ доступа безъ большихъ издержекъ; прошенія нельзя подать въ Приказъ безъ огромныхъ денегъ, и тогда еще неизвѣстно, чѣмъ кончится дѣло: будетъ ли оно задержано или пущено въ ходъ». Смутное время, однако, сдѣлало большую

---

[1]) Обычай этотъ соблюдался такимъ образомъ: по царскому приказанію дьякъ или подъячій велъ «выдавасмаго головою» пѣшкомъ (что уже составляло безчестіе) во дворъ соперника, ставилъ его на нижнемъ крыльцѣ и объявлялъ, что царь выдастъ такого-то головой. Пожалованный билъ царю челомъ за милость и дарилъ дьяка или подъячаго подарками, а выданнаго себѣ головою отпускалъ домой, но не дозволяя ему садиться на лошадь у себя на дворѣ. Выданный головою, обыкновенно, при этомъ ругался всѣми способами, и пожалованный не обращалъ на то никакого вниманія. Иногда же царь за ослушаніе, кромѣ выдачи головою, приказывалъ наказывать виновнаго батогами.

перемѣну въ строѣ государственнаго правленія противъ прежнихъ временъ: оно выдвинуло значеніе собора всей Земли Русской. Въ половинѣ XVII вѣка русскій эмигрантъ Котошихинъ писалъ, что царя Михаила Ѳеодоровича, какъ и всѣхъ царей послѣ Грознаго, выбрали съ записью, въ которой избранный государь обязывался никого безъ суда не казнить и всѣ дѣла дѣлать сообща съ боярами и думными людьми. Такой записи не сохранилось, и нѣтъ основанія предполагать, что она существовала; но на дѣлѣ происходило дѣйствительно такъ, какъ-бы и на самомъ дѣлѣ существовала эта запись; во все свое царствованіе, а въ первыхъ годахъ въ особенности, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ важныхъ дѣлахъ собиралъ земскую думу изъ выборныхъ всей Земли и вообще во всѣхъ дѣлахъ дѣйствовалъ за-одно съ боярскимъ приговоромъ, какъ и значится въ законодательныхъ актахъ того времени. Это объясняется новостью династіи и тѣмъ, что Михаилъ былъ посаженъ на царство волею Собора; при смутныхъ обстоятельствахъ онъ долженъ былъ для собственной безопасности опираться на волю Земли. Такое участіе земской силы въ правленіи не могло обратиться во что-нибудь прочное, какъ по грубости нравовъ и невѣжеству, не дававшему народу достигнуть яснаго сознанія раздѣленія властей, такъ еще болѣе по причинѣ того «малодушества», которое тогда господствовало въ народѣ, особенно въ высшихъ его слояхъ. До какой степени были грубы въ то время нравы, показываетъ то, что близкіе къ царю люди почти на глазахъ его ругались и дрались между собою и не смущались тѣмъ, когда ихъ били по щекамъ или батогами[1]). Участіе земскихъ соборовъ въ правленіи не могло остановить лихоимства, неправосудія и всякаго рода насилій, дозволяемыхъ себѣ воеводами и вообще начальными людьми, потому что какъ бы ихъ ни смѣщали, кѣмъ бы ихъ ни замѣняли,

---

[1]) Такъ, напримѣръ, одного, по имени Леонтьевъ, за жалобу на князя Гагарина думный дьякъ билъ по щекамъ, а другого, Чихачева, за жалобу на князя Шаховского бояре приговорили высѣчь кнутомъ, но думный дьякъ Луговскій и бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ сами собственноручно тутъ-же, во дворцѣ, отколотили его палками.

все-таки неизбѣжно происходили однѣ и тѣ же явленія, коренившіяся во всеобщей порчѣ нравовъ. Поэтому-то Масса, голландецъ, чужой человѣкъ, наблюдавшій и близко знавшій русскую жизнь, говоря о началѣ царствованія Михаила, выразился такъ: «надѣюсь, что Богъ откроетъ глаза юному царю, какъ то было съ прежнимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, ибо такой царь нуженъ Россіи, иначе она пропадетъ; народъ этотъ благоденствуетъ только подъ дланью своего владыки и только въ рабствѣ онъ богатъ и счастливъ». Сужденіе голландца довольно поверхностно; иностранецъ не вникъ въ то обстоятельство, что эпоха Ивана Грознаго способствовала тому состоянію общественной нравственности, какое онъ видѣлъ въ Россіи; но какими бы путями ни дошла Русь до тогдашняго состоянія нравственности, приговоръ этотъ, высказанный свободнымъ гражданиномъ республики, о необходимости суроваго самодержавія для русскаго народа, очень знаменателенъ. Иностранцамъ, жившимъ въ Россіи, оно было по-сердцу, потому что, при безусловной силѣ верховнаго правительства, имъ легче было добывать себѣ такія привилегіи, какихъ бы имъ не далъ никакой соборъ, составленный, между прочимъ, изъ лицъ торговыхъ и промышленныхъ, чувствовавшихъ на себѣ невыгоду льготъ и преимуществъ, даваемыхъ иностранцамъ передъ русскими. По увѣренію того же голландца, молодой Михаилъ Ѳеодоровичъ сознавалъ свое положеніе. Когда ему доложили объ одномъ господинѣ, котораго слѣдовало наказать за важный учиненный имъ проступокъ, то царь отвѣтилъ: «вы развѣ не знаете, что наши московскіе медвѣди въ первый годъ на звѣря не нападаютъ, а начинаютъ только охотиться съ лѣтами».

Первою заботою новаго правительства былъ сборъ казны. Это было естественно, потому что, какъ только новый царь вступилъ на престолъ, такъ къ нему обратились всякихъ чиновъ служилые люди, представляли, что они проливали кровь свою за Московское Государство, терпѣли всякую нужду и страданія, а между тѣмъ ихъ помѣстья и вотчины запустѣли, разорены, не даютъ никакихъ доходовъ; недостаетъ имъ ни платья, ни вооруженія. Они просили денегъ, хлѣба, соли, суконъ и безъ

обиняковъ прибавляли, что если имъ царскаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья не будетъ, то они отъ бѣдности станутъ грабить, воровать, разбивать проѣзжихъ по дорогамъ, убивать людей, и не будетъ никакой возможности ихъ унять. Царь и Соборъ разослали повсюду грамоты, приказывали собирать скорѣе и точнѣе подати и всякіе доходы, слѣдуемые въ казну, сверхъ того умоляли всѣхъ людей въ городахъ, въ монастыряхъ давать въ казну взаймы все, кто что можетъ дать: денегъ, хлѣба, суконъ и всякихъ запасовъ. Приводилось въ худой примѣръ то, что московскіе гости и торговые люди въ прошлые годы пожалѣли дать ратнымъ людямъ денегъ на жалованье и черезъ то потерпѣли страшное разореніе отъ поляковъ. Такія грамоты посылались преимущественно въ сѣверо-восточный край, менѣе другихъ пострадавшій, и въ особенности къ богатымъ Строгоновымъ, оказавшимъ важное пособіе Пожарскому и Минину.

То, что поступило въ казну, оказывалось недостаточнымъ. А между тѣмъ нужно было много чрезвычайныхъ усилій для поддержанія порядка и огражденія государства, котораго части съ трудомъ подчинялись единству власти. Въ Казани нѣкто Никаноръ Шульгинъ затѣвалъ, при помощи казаковъ возмутить поволжскій край; ему это не удалось; казанцы остались вѣрны Михаилу, Шульгинъ былъ схваченъ и сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ. Но понадобилось нѣсколько лѣтъ, чтобы расправиться съ Заруцкимъ и съ буйными казацкими шайками, бродившими по Россіи. Въ 1614 году правительство снова просило денегъ и должно было бороться со всякаго рода сопротивленіемъ. Дворяне и дѣти боярскіе бѣгали со службы; ихъ принуждены были ловить и въ наказаніе отбирать треть имущества на государя. Иные приставали къ казакамъ. Посадскіе люди не платили положенныхъ на нихъ податей по 175 руб. съ сохи и другихъ поборовъ, тѣмъ болѣе, что сборщики и воеводы наблюдали при этомъ свои противозаконныя выгоды[1]). Но въ то время,

---

[1]) Такъ въ Бѣлозерскѣ посадскіе люди не давали собирать положенную на нихъ дань, и когда воеводы, по обычаю, по-

когда тяглыхъ посадскихъ и волостныхъ людей доводили до ожесточенія сборами и правежами, монастыри, одинъ за другимъ, выпрашивали для себя и своихъ имѣній льготы, жаловались на разореніе и дѣйствовали въ этомъ случаѣ черезъ посредство богомольной матери государя, которая тогда записывала имъ и вотчины[2]).

Такъ 1614—15 годы проходили въ усиленной борьбѣ съ внутреннимъ неустройствомъ. На юго-востокѣ въ іюнѣ 1614 года порѣшили съ Заруцкимъ. Но множество другихъ казацкихъ шаекъ продолжали разорять государство почти во всѣхъ его предѣлахъ. Въ осташковскомъ уѣздѣ безчинствовали черкасы и литовскіе люди подъ начальствомъ Захарія Заруцкаго, въ Пусторжевѣ—подъ начальствомъ полковника Яська; въ уѣздахъ: ярославскомъ, бѣжецкомъ, кашинскомъ, понехонскомъ, бѣлозерскомъ, угличскомъ свирѣпствовала огромная шайка, состоявшая изъ казаковъ и русскихъ «воровъ», преимущественно боярскихъ холопей. Между атаманами отличался особымъ звѣрствомъ Баловень; разбойники его шайки не только грабили, гдѣ что могли и не давали правительственнымъ сборщикамъ собирать денегъ и хлѣбныхъ запасовъ въ казну, но съ необыкновенною свирѣпостью мучили людей. У нихъ было обычною забавою насыпать порохъ людямъ въ уши, ротъ и т. п. и зажигать. Шайка, состоявшая также на половину изъ черкасъ, литовскихъ людей и русскихъ воровъ, въ числѣ болѣе 7,000 чел., разбойничала на сѣверѣ около Холмогоръ, Архангельска, на Вагѣ, около Каргополя, и, наконецъ, была истреблена въ заонежскихъ погостахъ и близъ Олонца. Однако, эта шайка оставила по себѣ не-

---

ставили ихъ за то на правежъ, то они ударили въ набатъ и чуть не побили воеводъ и сборщиковъ. То же дѣлалось и въ другихъ мѣстахъ. Въ отдаленной Чердыни жители не хотѣли давать ратнаго сбора и прибили присланнаго за этимъ дѣломъ князя Шаховского.

[2]) Такимъ образомъ въ бѣлозерскомъ уѣздѣ вымучивали подати съ тяглыхъ крестьянъ, а вотчины Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря были изъяты отъ нихъ. Такую же свободу получили тогда всѣ вотчины Волоколамскаго монастыря. Нашимъ монастырямъ въ это время всеобщей нужды и безденежья давались права на безпошлинную торговлю солью и другими предметами.

чальные слѣды: во всемъ краѣ по р. р. Онегѣ и Вагѣ, какъ доносили царю воеводы, осквернены были Божьи церкви, выбитъ скотъ, сожжены деревни; на Онегѣ нашли 2,325 труповъ замученныхъ людей, и некому было похоронить ихъ; другіе найдены были дышащими, но страшно искалѣченными; многіе разбѣжались по лѣсамъ, погибли отъ холода и голода, а послѣ усмиренія разбойниковъ жителямъ нечего было ѣсть. Въ Вологдѣ буйствовалъ сибирскій царевичъ Арасланъ, грабилъ у жителей запасы и вѣшалъ людей вверхъ ногами. Были тогда разбойничьи шайки и около Перми. Въ Казанскомъ краѣ, по усмиреніи Шульгина, поднялись татары и черемисы, брали въ плѣнъ и убивали русскихъ людей, захватили дорогу между Казанью и Нижнимъ и покушались даже нападать на города. Другіе разбойники, также называвшіе себя казаками, бродили и безчинствовали въ украинныхъ городахъ[3]). Напрасно Правительство предписывало воеводамъ строить засѣки, собирать ратныхъ людей, вооружать жителей и всѣми мѣрами ловить и истреблять разбойниковъ; разбойниковъ стало очень много: они нападали внезапно: пограбятъ, пожгутъ, перемучатъ людей въ одномъ мѣстѣ и исчезаютъ, чтобы появиться въ другомъ; ратные люди, прибывшіе въ то мѣсто, гдѣ, по слухамъ, объявились воры, заставали тамъ пепелища да обезображенные трупы людей, а о ворахъ уже шли слухи изъ другихъ мѣстъ.

Для прекращенія бѣдъ, въ сентябрѣ 1614 года. Земскій соборъ постановилъ послать къ ворамъ духовныхъ, бояръ и всякаго чина людей, уговаривать ихъ прекратить свои безчинства и идти на царскую службу противъ шведовъ. Всѣмъ объявлялось прощеніе. Обѣщали давать имъ на службѣ жалованье, а крѣпостнымъ людямъ, которые отстанутъ отъ воровства, обѣщана была свобода. Часть воровъ поддалась увѣщаніямъ и отправилась къ Тихвину на царскую службу противъ шведовъ; другіе упорствовали и пошли внизъ по Волгѣ, но были на-голову разбиты въ балахонскомъ уѣздѣ боярином

[3]) Замѣчательно, что за многими изъ разбойничьихъ шаекъ слѣдовала толпа женъ, вѣнчанныхъ и невѣнчанныхъ.

Лыковымъ; третьи, съ которыми былъ самъ Баловень, двинулись къ Москвѣ въ огромномъ числѣ, подъ видомъ, какъ-будто идутъ просить прощенія у государя, но на самомъ дѣлѣ оказалось, что у нихъ были коварныя намѣренія. Ихъ отогнали отъ Симонова монастыря, преслѣдовали и окончательно разбили на рѣкѣ Лужѣ. Болѣе 3.000 плѣнныхъ приведено было въ Москву. Простымъ казакамъ объявили прощеніе; Баловня съ нѣсколькими товарищами, особенно отличавшимися злодѣяніями, повѣсили; другихъ атамановъ разослали по тюрьмамъ. Этотъ успѣхъ ослабилъ разбои, но не искоренилъ ихъ. По разнымъ мѣстамъ продолжали появляться отдѣльно разбойничьи шайки, чему способствовало то, что правительство пыталось возвращать на прежнія мѣста жителей, которые въ Смутное время вышли съ этихъ мѣстъ[1]).

Между тѣмъ, въ Сѣверской странѣ началъ свирѣпствовать Лисовскій съ нѣсколькими тысячами разнаго сброда, носившими общее названіе «лисовчиковъ». Быстрота, съ которою въ продолженіе 1615 г. прогуливался Лисовскій по обширному пространству Московскаго Государства, изумительна. Сначала Пожарскій гонялся за нимъ въ Сѣверской землѣ. Лисовскій, не успѣвши ничего сдѣлать Пожарскому подъ Орломъ, отступилъ къ Кромамъ; Пожарскій—за нимъ; Лисовскій—къ Болхову, потомъ къ Бѣлеву, къ Лихвину и Перемышлю. Лисовскій имѣлъ обыкновеніе оставлять утомленныхъ лошадей, бралъ свѣжихъ и бросался съ неимовѣрною быстротой туда, гдѣ не ожидали его, а на пути все истреблялъ, что попадалось. Пожарскій, утомившись погоней, заболѣлъ въ Калугѣ. Лисовскій со свою шайкою проскочилъ на

---

[1]) Такимъ образомъ велѣно было отыскивать разныхъ тяглыхъ людей, приписанныхъ къ Москвѣ и другимъ городамъ; то же постановлялось и о вотчинныхъ крестьянахъ: въ этотъ годъ двумя грамотами велѣно было возвращать на прежнее мѣсто жительства тронцкихъ крестьянъ, выбывшихъ съ 1605 года. Крестьяне сопротивлялись, не хотѣли возвращаться, а иногда и землевладѣльцы, къ которымъ они приставали, не отпускали ихъ. Такіе-то сбѣжавшіе съ прежнихъ мѣстъ, не желая подвергаться тяглу, наполняли разбойничьи шайки.

сѣверъ между Вязьмою и Смоленскомъ, напалъ на Ржевъ, перебилъ на посадѣ людей и, не взявши города, повернулъ къ Кашину и Угличу, а потомъ, прорвавшись между Ярославлемъ и Костромою, началъ разорять окрестности Суздаля: оттуда прошелъ въ Рязанскую землю, надѣлалъ тамъ разоренiй: изъ Рязанской земли прошелъ между Тулою и Серпуховымъ въ Алексинскiй уѣздъ. Воеводы по царскому приказанiю гонялись за нимъ съ разныхъ сторонъ и не могли догнать: только князь Куракинъ вступилъ съ нимъ въ бой подъ Алексинымъ, но не причинилъ ему большого вреда. Наконецъ, Лисовскiй, надѣлавши Московскому Государству много бѣдъ, ушелъ въ Литву. На слѣдующiй 1616 годъ Лисовскiй снова появился въ Сѣверской землѣ, но нечаянно упалъ съ лошади и лишился жизни. Его шайка избирала другихъ предводителей и долго еще существовала подъ старымъ именемъ «лисовчиковъ», производя безчинства, не только въ Московской, но впослѣдствiи и въ своей Польской землѣ.

Такимъ образомъ, Русская земля, пострадавшая и объединѣвшая въ Смутное время, потерпѣла новое разоренiе отъ разбойниковъ и Лисовскаго, а между тѣмъ угрожающее положенiе со стороны Швецiи требовало увеличенiя ратныхъ силъ и, вслѣдствiе этого, умноженiя денежныхъ средствъ. Сдѣланы были распоряженiя о новыхъ поборахъ. Строгоновы обѣщали давать деньги въ казну, и съ ихъ приказчиковъ велѣно было взять 13,840 рублей. Положено было брать во всѣхъ городахъ со двора по гривнѣ, а съ уѣздовъ всѣхъ волостей — съ сохи по 120 рублей: но когда дѣло дошло до сбора, то въ разныхъ мѣстахъ опять начались сопротивленiя. Воеводы должны были употреблять на ослушниковъ ратныхъ людей, но въ то же время сами воеводы, сборщики и разные приказные люди, пріѣзжавшiе для царскихъ дѣлъ, брали прежде всего съ народа на себя то, чего имъ не слѣдовало брать, лишнее, отягощали жителей кормами (сборомъ продовольствiя) въ свою пользу, а потомъ уже правили съ нищихъ посадскихъ и крестьянъ государственныя подати: многихъ забивали и замучивали до смерти на правежахъ и доносили въ Москву, что нечего

взять. Посадскіе изъ городовъ посылали челобитчиковъ жаловаться на утѣсненія въ Москву, но это стоило также лишнихъ денегъ. Въ Москвѣ, въ Приказахъ, съ челобитчиковъ брали взятки; да и сами челобитчики, пріѣзжавшіе въ столицу отъ своихъ обществъ, присвоивали себѣ порученныя имъ мірскія деньги. Тогда правительство думало усилить свои доходы продажею напитковъ, приказывало вездѣ строить кабаки, курить вино, запрещало служилымъ и посадскимъ держать напитки для продажи; и это средство не могло принести много пользы; для того, чтобъ пить, нуженъ достатокъ; тѣ же, которые пропивали послѣднюю деньгу, могли доставить только ничтожный доходъ казнѣ и зато менѣе были въ состояніи платить прямые налоги. Эти сборы были недостаточны, а служилымъ надобно было платить; и дѣти боярскіе, вытребованные на службу, роптали, что не получаютъ жалованья, и разбѣгались. Въ это время правительство старалось умножить и усилить въ войскѣ отдѣлъ стрѣльцовъ, какъ болѣе организованное войско; на нихъ тогда полагались всѣ надежды и потому по городамъ приказано было набирать въ стрѣльцы охочихъ вольныхъ людей, умѣющихъ стрѣлять. Состоя подъ управленіемъ своихъ головъ, стрѣльцы пользовались правомъ собственнаго суда, кромѣ разбойныхъ дѣлъ.

Правительство, не въ силахъ будучи сладить съ поборами, созвало въ 1616 году Земскій соборъ. Приказано было выбрать лучшихъ уѣздныхъ посадскихъ и волостныхъ людей для «великаго государева земскаго дѣла на совѣтъ». Этотъ соборъ постановилъ всемірный приговоръ: собрать со всѣхъ торговыхъ людей пятую деньгу съ имущества, непремѣнно деньгами, а не товарами, а съ уѣздовъ по 120 рублей съ сохи. Со Строгоновыхъ, по расчету, приходилось взять 16.000 рублей, но кромѣ того, соборъ наложилъ на нихъ еще 40.000. «Не пожалѣйте своихъ животовъ — писалъ къ Строгоновымъ царь — хоть и себя приведете въ скудность. Разсудите сами: если отъ польскихъ и литовскихъ людей будетъ конечное разореніе россійскому государству, нашей истинной вѣрѣ, то въ тѣ поры и у васъ, и у всѣхъ православныхъ христіанъ и животовъ и домовъ совсѣмъ не будетъ».

Нужно было такъ или иначе покончить со шведами. Новгородъ оставался въ ихъ рукахъ. Вмѣстѣ съ Новгородомъ захвачена была Водская пятина, города: Корела (Кексгольмъ), Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Ладога, Порховъ, Старая Руса. Шведы поставили вездѣ своихъ воеводъ, но, вмѣстѣ съ шведскими, были и русскіе начальники. Избраніе Михаила поставило новгородцевъ въ затруднительное положеніе относительно шведовъ: волею-неволею они присягали на вѣрность королевичу Филиппу съ тѣмъ, что онъ будетъ царемъ всеи Руси; но теперь въ Москвѣ избранъ другоіі царь, и шведскіі намѣстникъ Эвертъ Горнъ, заступившіі мѣсто Делагарди, объявилъ новгородцамъ, что, такъ какъ Москва не хочетъ королевича Филиппа, то королевичъ не желаетъ быть на одномъ государствѣ новгородскомъ; по этоіі причинѣ, Новгородъ, съ своею Землею, долженъ присоединиться къ шведскому королевству. Новгородцы не были согласны на присоединеніе къ Швеціи, и, спрошенные черезъ своихъ пятиконецкихъ старостъ, они упирались, отвиливали, говорили, что, давши разъ присягу королевичу Филиппу, желаютъ оставаться вѣрны своеіі присягѣ. Нѣкто князь Никифоръ Мещерскіі, возбуждалъ тогда новгородскіі народъ ни за что не присягать шведскому королю, не соглашаться на присоединеніе Новгорода къ Швеціи и ни въ какомъ случаѣ не отлучать его отъ Московскаго Государства. Шведы за это засадили подъ стражу Мещерскаго. Народъ не успокоивался, не далъ требуемаго согласія на присоединеніе къ Швеціи, и, наконецъ, митрополитъ Исидоръ попросилъ у шведскаго намѣстника дозволенія отправить въ Москву посольство для убѣжденія бояръ признать царемъ королевича Филиппа. Шведы согласились. Посломъ отъ Новгорода поѣхалъ хутынскіі архимандритъ Кипріанъ, которыі прежде участвовалъ въ посольствѣ новгородцевъ къ шведамъ въ Выборгъ и казался расположеннымъ къ Швеціи: съ нимъ поѣхали двое дворянъ[1]). Вмѣсто того, чтобы уговаривать бояръ отступить отъ Михаила (что было слишкомъ опасно для посланныхъ), новгородскіе послы били челомъ боярамъ,

---

[1]) Яковъ Бабарыкинъ и Матвѣй Муравьевъ.

чтобъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ простилъ новгородцамъ невольное цѣлованіе креста и заступился за Новгородъ, который ни за что не хочетъ отрываться отъ русской державы. Царь допустилъ новгородскихъ пословъ къ себѣ, обласкалъ и приказалъ дать имъ двѣ грамоты: одну отъ бояръ, явную, съ суровымъ выговоромъ всѣмъ новгородцамъ за то, что они отправили къ нимъ посольство съ совѣтомъ измѣнить царю, а другую, тайную — отъ царя; въ ней царь Михаилъ Ѳеодоровичъ прощалъ новгородцамъ всѣ ихъ вины и обнадеживалъ своею милостью. Царскую грамоту стали раздавать въ спискахъ тайкомъ между новгородцами для поддержанія упорства, но въ Москвѣ нашелся измѣнникъ, благопріятель шведовъ — думный дьякъ Третьяковъ: онъ написалъ объ этой тайной грамотѣ шведскому намѣстнику. Тогда Эверть Горнъ посадилъ подъ стражу ѣздившихъ пословъ и принялся за Кипріана: его мучили на правежѣ, морили голодомъ и морозомъ.

Военныя попытки противъ шведовъ были неудачны для русскихъ. Князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, подобравши съ собой казаковъ, обѣщавшихся вѣрно служить царю, потерпѣлъ пораженіе. Но самъ шведскій король не былъ намѣренъ добиваться слишкомъ многаго. Завязываться въ долговременную и упорную войну было опасно для Швеціи, такъ какъ она находилась тогда въ непріязненныхъ отношеніяхъ и съ Польшею, и съ Даніею; самое обладаніе Новгородомъ представляло для Швеціи болѣе затрудненій и хлопотъ, чѣмъ пользы. Новгородцы не хотѣли добровольно быть подъ шведскимъ владычествомъ; Швеціи надобно было держать ихъ насильно и черезъ то находиться во всегдашнихъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ: понятно, что тогда Новгородъ, ненавидя шведское правленіе, будетъ постоянно обращаться къ Москвѣ и вооружать ее противъ Швеціи. Густавъ-Адольфъ хотѣлъ только воспользоваться запутаннымъ состояніемъ Московскаго Государства, чтобъ отнять у него море и тѣмъ обезсилить опаснаго для Швеціи на будущее время сосѣда. Онъ обратился къ англійскому королю, Іакову I, съ просьбой принять посредничество въ споръ съ Мо-

сковскимъ Государствомъ. Къ тому же Іакову еще прежде, въ 1613 году, послалъ новоизбранный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ дворянина Алексѣя Зюзина, съ просьбой заступиться за Московское Государство противъ шведовъ и снабдить его оружіемъ, запасами и деньгами тысячъ на сто руб.[1]). Англія намѣревалась добиться отъ Россіи новыхъ торговыхъ выгодъ, и потому для нея былъ большой расчетъ оказать Россіи услугу, чтобы имѣть право требовать возмездія. Англійскій король обѣщалъ прислать уполномоченнаго съ тѣмъ, чтобы примирить русскаго царя съ шведскимъ королемъ. Въ 1614 году съ такою же цѣлью отправлены были московскіе послы, Умаковъ и Заборовскій, въ Голландію. Эти послы были такъ бѣдны, что въ Голландіи принуждены были дать имъ 1000 гульденовъ на содержаніе. Голландскіе штаты также обѣщали свое посредничество въ дѣлѣ примиренія Россіи съ Швеціей. Голландцы надѣялись черезъ это получить себѣ торговыя выгоды, преимущественно расчитывая нанести ущербъ англичанамъ, съ которыми они находились тогда въ сильномъ соперничествѣ.

Въ Москву пріѣхалъ отъ англійскаго короля, въ качествѣ посредника, Джонъ Мерикъ, извѣстный русскимъ купецъ, пожалованный англійскимъ королемъ въ рыцари. Со стороны голландцевъ прибылъ въ Россію Николай Ванъ-Бредероде съ товарищами.

При посредствѣ этихъ пословъ состоялось совѣщаніе между русскими и шведами въ селѣ Дедеринѣ. Со стороны русскихъ были: окольничій князь Даніилъ Мезецкій и дворянинъ Алексѣй Зюзинъ съ товарищами. Со стороны шведовъ — Яковъ Делагарди, Генрихъ Горнъ и другіе. Шведскій король осаждалъ Псковъ, но

---

[1]) Іаковъ принялъ московскаго посла отлично и, зная нетвердость русскихъ въ соблюденіи внѣшнихъ обрядовъ, во время пріема дозволилъ московскому послу надѣть шапку, когда самъ былъ безъ шапки, изъ уваженія къ царскому имени. Посолъ отказался отъ предоставленной ему чести, но былъ очень доволенъ; и въ Москвѣ, когда узнали объ этомъ, то были также очень довольны.

неудачно, и, потерявши Эверта Горна, отступилъ отъ города.

Голландскіе посланники въ своихъ донесеніяхъ оставили любопытныя черты тогдашняго бѣдственнаго состоянія сѣвера Россіи. Край былъ сильно обезлюденъ. Иностранцы должны были ѣхать зимой по пустынѣ, гдѣ встрѣчались разоренныя деревни; въ избахъ валялись непогребенныя мертвыя тѣла. Волки и другіе хищные звѣри бродили стаями. Въ лѣсахъ скрывались казаки и «шиши». Они вели партизанскую войну со шведами и убивали всякаго шведскаго воина, котораго случалось имъ схватить на дорогѣ, если онъ былъ отправленъ съ какимъ-нибудь порученіемъ отъ своего начальства. Старая Руса представляла кучу развалинъ каменныхъ церквей и монастырей. Городъ, прежде многолюдный, въ это время опустѣлъ до того, что въ немъ оставалось не болѣе 100 чел., едва имѣвшихъ насущный хлѣбъ. Вся окрестность была опустошена, негдѣ было найти продовольствія, и оно доставлялось посламъ съ большимъ трудомъ изъ отдаленныхъ мѣстъ. Шведскіе и русскіе послы помѣстились въ отдѣльныхъ селахъ и съѣзжались на переговоры въ Дедерино къ англійскому послу. Совѣщанія происходили въ шатрѣ, разбитомъ среди поля на снѣгу, потому что нельзя было найти для этого довольно просторной избы. Сначала русскіе упрекали Делагарди за прежнее его поведеніе. Тотъ защищался и сваливалъ вину на русскихъ. Наконецъ, приступили къ дѣлу. Шведы пытались поднять вопросъ о выборѣ въ московскіе цари королевича Филиппа; русскіе и слышать объ этомъ не хотѣли. Переставши толковать о королевичѣ Филиппѣ, шведы потребовали большихъ уступокъ земель или огромной суммы денегъ. Русскіе объявили, что скорѣе лишатся жизни, чѣмъ уступятъ горсть земли [1]). Шведы нѣсколь-

---

[1]) Англійскій посолъ держалъ себя хладнокровно и безпристрастно, и когда русскіе пытались вооружить его противъ шведовъ и указывали ему, что шведы не воздаютъ ему должной чести, англичанинъ отвѣтилъ, что честь дана ему отъ своего государя и ее никто отнять у него не можетъ, а до почета со стороны шведовъ ему нѣтъ дѣла.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЦГА СССР Кав. № 06096

ко разъ грозились уѣхать ни съ чѣмъ; англичанинъ удерживалъ ихъ, наконецъ, русскіе согласились отдать одну Корелу, а вмѣсто другихъ городовъ, которыхъ домогались шведы, предлагали сто тысячъ рублей. Не порѣшивши окончательно на этомъ, обѣ стороны заключили перемиріе отъ 22 февраля до 31 мая 1616 года, и по истеченіи срока положили снова съѣхаться для заключенія мира. Не ранѣе, однако, какъ въ концѣ декабря 1616 г. съѣхались шведскіе послы съ русскими въ селѣ Столбовѣ, все-таки при посредничествѣ Мерика. Новгородцы умоляли русскихъ пословъ поскорѣе окончить дѣло, потому что шведы и ихъ угодники изъ русскихъ жестоко тѣснили новгородцевъ, требуя присяги шведскому королю, и мучили правежами, вымогая у нихъ кормъ и подводы для войска. Эти жалобы новгородцевъ побудили, наконецъ, русское правительство къ уступчивости. Проспоривши почти два мѣсяца, 27 февраля 1617 года подписали договоръ вѣчнаго мира, по которому шведы возвращали русскимъ Новгородъ, Порховъ, Старую Русу, Ладогу, Гдовъ и Сумерскую волость; а русскіе уступали Швеціи приморскіи краи: Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Орѣшекъ и Корелу съ уѣздами; кромѣ того, обязались заплатить 20.000 рублей готовыми деньгами. По выходѣ шведовъ изъ Новгорода, 14 марта, русскіе послы вступили туда съ чудотворною иконою, взятою изъ Хутынскаго монастыря. Митрополитъ Исидоръ встрѣчалъ ихъ со всѣмъ народомъ, который громко плакалъ. Новгородъ былъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Болѣе половины домовъ было сожжено. Жителей оставалось уже немного. Иные разбѣжались, другіе померли отъ голода, который свирѣпствовалъ въ Новгородѣ, его окрестностяхъ и въ Псковской землѣ въ такой степени, что жители питались нечистою пищею и даже ѣли человѣческіе трупы.

Какъ ни тяжелы были для Московскаго Государства условія Столбовскаго мира, отнимавшаго у Россіи море и потому носившаго въ себѣ зародышъ неизбѣжныхъ кровавыхъ столкновеніи въ будущемъ, но въ то время и такой миръ былъ благодѣяніемъ, потому что

оставлялъ теперь Московское Государство въ борьбѣ съ одною только Польшею.

Устроивши примиреніе, Джопъ Мерикъ прибылъ въ Москву и заявилъ со стороны Англіи требованіе важныхъ торговыхъ привилегій.. Онъ просилъ, между прочимъ, дозволить англичанамъ ходить для торговли Волгою въ Персію, рѣкою Обью въ Индію и Китай. Русское правительство отдало эти вопросы на разрѣшеніе думы, составленной изъ торговыхъ людей. На основаніи приговора этихъ торговыхъ людей, бояре отказали въ главномъ, чего домогался Мерикъ, подъ благовидными предлогами отсрочки на будущее время. «Теперь русскіе торговые люди оскудѣли» — говорили бояре Мерику. — «Они у англичанъ покупаютъ въ Архангельскѣ товары и продаютъ въ Астрахани персіянамъ: отъ этого прибыль и имъ, и казнѣ, а если англичане сами начнутъ торговать въ Персіи, то этой прибыли не будетъ. Притомъ же въ Персіи теперь небезопасно: персидскій шахъ воюетъ съ турскимъ царемъ, да и на Волгѣ плавать опасно. Надобно отложить до другого времени». Что касается до пути въ Индію и Китай черезъ Сибирь, то бояре сказали англійскому послу, что «Сибирь страна студеная и трудно черезъ нее ходить: по рѣкѣ Оби все ледъ ходитъ, по Сибири кочевыя орды бродятъ, ходить опасно, да и про китайское правительство говорятъ, что оно не велико и не богато, а потому государь, по дружбѣ къ англійскому королю, прикажетъ прежде разузнать, какими путями туда ходить и каково китайское государство: стоитъ ли туда добиваться». Такимъ образомъ, благодаря силѣ торговыхъ людей, Мерикъ, при всѣхъ своихъ услугахъ Россіи, не добился цѣли стремленій англичанъ на Востокъ, хотя получилъ отъ царя, въ знакъ благодарности и вниманія, золотую цѣпь съ царскимъ портретомъ и разные подарки, преимущественно мѣхами.

Голландцы, также добивавшіеся для себя торговыхъ льготъ, получили нѣкоторыя выгоды, но не въ такой степени, какъ англичане. Еще въ 1614 г. компаніи голландскихъ гостей подтверждена была грамота царя Василія Ивановича на свободную торговлю во всемъ го-

сударствѣ, а во вниманіе къ разоренію, понесенному голландскими купцами, позволено имъ торговать безпошлинно на три года. Когда срокъ этотъ минулъ, голландцы не добились такого расширенія своихъ торговыхъ правъ, которое бы могло подорвать англійскую торговлю, однако, по собственному ихъ сознанію, въ 1616 — 17 годахъ, русскіе такъ снисходительно смотрѣли за голландцами, что послѣдніе платили за свои товары гораздо меньше пошлинъ, чѣмъ съ нихъ слѣдовало [1]). Шведамъ по Столбовскому договору предоставлена была свободная торговля, но съ платежемъ обычныхъ полныхъ пошлинъ.

Въ то время, когда шли переговоры о мирѣ со шведами, въ жизни царя произошло печальное семейное событіе. Молодой царь находился въ покорности инокини матери, которая жила въ Вознесенскомъ монастырѣ, имѣла свой дворъ и была окружена монахинями; самою приближенною изъ нихъ къ царской матери была мать Салтыковыхъ, старица Евникія. Царь не смѣлъ ничего начинать безъ благословенія матери, а главная сила ея состояла въ томъ, что царь приближалъ къ себѣ и слушалъ совѣты такихъ людей, которымъ она благопріятствовала. Вмѣстѣ съ матерью Михаилъ часто совершалъ благочестивыя богомолья къ Троицѣ, къ Николѣ на Угрѣшѣ и въ разныя святыя мѣста, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ. Жизнь царя была опутана множествомъ обрядовъ, носившихъ на себѣ болѣе или менѣе церковный или монашескій характеръ. Это приходилось по нраву Михаила, который вообще былъ тихъ, незлобивъ и сосредоточенъ. Въ 1616 году, когда ему наступилъ двадцатый годъ, рѣшено было женить его. Созвали, по давнему обычаю, толпу дѣвицъ — дочерей дворянъ и дѣтей боярскихъ; Михаилу приглянулась болѣе всѣхъ Марья, дочь дворянина Ивана Хлопо-

---

[1]) Предметами привоза у голландцевъ были: вина, сукна, нюренбергскія издѣлія, мелочные товары и болѣе всего холстъ, который славился тогда во всей Европѣ. Изъ Россіи голландцы вывозили преимущественно восточные товары: сырой шелкъ, краски, москательные товары, камлотъ, парчи, штофныя издѣлія (дамасты) и др.

ва. Выбранная невѣста немедленно была взята «на верхъ» (во дворецъ, собственно въ теремныя хоромы царицъ) и велѣно ей оказывать почести, какъ царицѣ; дворовые люди ей крестъ цѣловали, и во всемъ Московскомъ Государствѣ велѣно поминать ея имя на ектеніяхъ. Ее нарекли Анастасіей. Отецъ и дядя нареченной невѣсты были призваны во дворецъ; государь лично объявилъ имъ свою милость. Такимъ образомъ, родъ Хлоповыхъ, совершенно незначительный до того времени, вдругъ возвысился и сталъ въ приближеніи у царя. Это возбудило во многихъ зависть, какъ и прежде бывало въ подобныхъ случаяхъ. Болѣе всѣхъ не взлюбили Хлоповыхъ могущественные Салтыковы, опасавшіеся, чтобы Хлоповы не вошли въ довѣріе царя и не оттѣснили ихъ самихъ на задній планъ.

Однажды царь ходилъ въ своей оружейной палатѣ и разсматривалъ оружіе. Михаилъ Салтыковъ показалъ ему турецкую саблю и похвастался, что такую саблю и въ Москвѣ сдѣлаютъ. Царь передалъ саблю Гаврилѣ Хлопову, дядѣ царской невѣсты, и спросилъ: «какъ ты думаешь, сдѣлаютъ у насъ такую саблю?» Хлоповъ отвѣчалъ, что сдѣлаютъ, только не такою будетъ, какъ эта. Салтыковъ съ досадой вырвалъ у него изъ рукъ саблю и сказалъ: «ты говоришь не знаючи!» Они тутъ же побранились крупно между собою.

Салтыковы не простили Хлоповымъ, что они смѣютъ перечить, рѣшились удалить ихъ отъ двора и разстроить бракъ государя. Они очернили Хлоповыхъ передъ царскою матерью и разными наговорами внушили ей непріязнь къ будущей невѣсткѣ. При нареченной царевнѣ находились постоянно: бабка ея, Ѳедора Желябужская, и Марья Милюкова, одна изъ придворныхъ сѣнныхъ боярынь. Другіе родные навѣщали ее сначала изрѣдка, потомъ каждый день. Вдругъ нареченная невѣста заболѣла. Съ нею началась постоянная рвота. Сперва родные думали, что это сдѣлалось съ нею отъ неумѣреннаго употребленія «сластей» и уговаривали ѣсть поменьше. Она послушалась и ей стало какъ будто получше, но потомъ болѣзнь опять возобновилась, и родные должны были донести объ этомъ царю. Тогда

царь приказалъ своему кравчему Салтыкову позвать доктора къ своей невѣстѣ; Михаилъ Салтыковъ привелъ къ ней иноземца доктора, по имени Валентина, который нашелъ у больной разстройство желудка и объявилъ, что болѣзнь излѣчима и «плоду-де и чадородію отъ того порухи не бываетъ». Такое рѣшеніе было не по-сердцу Салтыкову; прописанное лѣкарство давали царской невѣстѣ всего два раза, и доктора Валентина болѣе къ ней не призывали. Послѣ того Салтыковъ призвалъ другого, младшаго врача, по имени Балсыря, который нашелъ у больной желтуху, но не сильную, и сказалъ что болѣзнь излѣчима. Лекарствъ у него не спрашивали и къ больной болѣе не звали. Салтыковы вздумали потомъ сами лечить царскую невѣсту: Михайло Салтыковъ велѣлъ Ивану Хлопову взять изъ аптеки стклянку съ какой-то водкой, передать дочери и говорилъ, что «если она станетъ пить эту водку, то будетъ больше кушать». Отецъ отдалъ эту стклянку Милюковой. Пила ли его дочь эту водку — неизвѣстно; но ей стали давать святую воду съ мощей и камень «безуй», который считался тогда противоядіемъ. Царской невѣстѣ стало легче.

Между тѣмъ Салтыковъ донесъ царю, будто врачъ Балсырь сказалъ ему, что Марья неизлѣчима, что въ Угличѣ была женщина, страдавшая такою же болѣзнью и, проболѣвши годъ, умерла. Царь не зналъ, что ему дѣлать. Мать настаивала удалить Хлопову. Просто сослать ее съ «верху» казалось зазорно, такъ какъ она уже во всемъ государствѣ признана царской невѣстою. Созванъ былъ соборъ изъ бояръ для обсужденія дѣла. Напрасно Гаврило Хлоповъ на этомъ соборѣ билъ челомъ не отсылать царской невѣсты съ «верху», увѣрялъ, что болѣзнь ея произошла отъ сладкихъ ядей и теперь уже почти проходитъ, что Марья скоро будетъ здорова. Бояре знали, что царская мать не любитъ Хлопову и желаетъ ее удалить; въ угоду ей произнесли они приговоръ, что Хлопова «къ царской радости непрочна», т. е., что свадьбы не должно быть.

Сообразно этому приговору, царскую невѣсту свели съ «верху». Это было въ то время, когда во дворцѣ происходили суетливыя приготовленія къ ея свадьбѣ. Хло-

пову помѣстили у ея бабки на подворьѣ, а черезъ десять дней сослали въ Тобольскъ съ бабкою, теткою и двумя дядями Желябужскими, разлучивъ съ отцомъ и матерью. Каково было въ Тобольскѣ изгнанникамъ — можно догадываться изъ того, что въ 1619 году, уже какъ бы въ видѣ милости, они были переведены въ Верхотурье, гдѣ должны были жить въ нарочно построенномъ для нихъ дворѣ и никуда не отлучаться съ мѣста жительства, а царская невѣста, испытавшая въ короткое время своего благополучія роскошь двора, получала теперь на свое скудное содержаніе по 10 денегъ въ день.

Этотъ варварскій поступокъ не былъ дѣломъ Михаила Ѳеодоровича. Царь, повидимому, чувствовалъ привязанность къ своей невѣстѣ и грустилъ о ней, но не смѣлъ ослушаться матери. Тѣмъ не менѣе онъ не соглашался жениться ни на какой другой невѣстѣ. Это событіе показываетъ, что въ то время молодой царь былъ совершенно безвластенъ и всѣмъ управляли временьщики, угождавшіе его матери, которая, какъ видно, была женщина, хотя богомольная, но злая и своенравная.

Уладивши дѣло со шведами, Москва должна была покончить и съ Польшею. Но это было гораздо труднѣе. Сигизмундъ сожалѣлъ объ утраченномъ Московскомъ Государствѣ. Сынъ его Владиславъ, придя въ совершенный возрастъ, такъ же плѣнялся мыслью быть московскимъ царемъ и затѣвалъ попытаться возвратить себѣ утраченный престолъ.

Русское правительство искало противодѣйствія Польшѣ въ Турціи и въ Крыму и думало было воспользоваться недоразумѣніями, возникшими тогда между Турціей и Польшей. Турки злобствовали на поляковъ, но не вполнѣ дружелюбно смотрѣли и на Московское Государство, за нападеніе донскихъ казаковъ. Русскіе посланники нѣсколько лѣтъ сряду въ Константинополѣ раздавали мѣха визирямъ и другимъ султанскимъ вельможамъ, и терпѣливо выслушивали отъ турокъ колкости и упреки за казаковъ; зато, по крайней мѣрѣ, утѣшались обѣщаніями турокъ начать войну съ Польшею. Крымскій ханъ, съ своей стороны, бралъ съ русскихъ

деньги и мѣха и за это обѣщалъ имъ тревожить поляковъ, но медлилъ. Московское правительство обращалось, кромѣ того, къ нѣмецкому императору и просило о посредничествѣ въ дѣлѣ примиренія Москвы съ Польшею. Императоръ отправилъ отъ себя посредникомъ Гапделіуса. При стараніи этого посредника съѣхались подъ Смоленскомъ русскіе послы, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и его товарищи, съ польскими послами: кіевскимъ епископомъ Казимирскимъ, литовскимъ гетманомъ Ходкѣвичемъ и канцлеромъ Львомъ Сапѣгою. Гапделіусъ явно мирволилъ польской сторонѣ: онъ не только считалъ правильною уступку Рѣчи Посполитой земель, завоеванныхъ ею отъ Руси, но полагалъ, что русскіе, признавши Владислава царемъ, обязаны были вознаградить его за утрату царскаго достоинства. Воротынскій велъ себя настойчиво; имъ за это былъ недоволенъ царь, потому что, естественно, боялся за своего родителя, находившагося въ плѣну у поляковъ, болѣе всего желалъ его возвращенія и готовъ былъ на большія уступки, лишь бы добиться освобожденія Филарета. Несмотря на уступчивость своего царя, русскіе послы не поддались излишнимъ притязаніямъ поляковъ, и съѣзды подъ Смоленскомъ прекратились. Война была неизбѣжна.

Въ 1616 году королевичъ Владиславъ издалъ окружную грамоту ко всѣмъ жителямъ Московскаго Государства: напоминалъ, какъ его выбрали на московскій престолъ всею Землею, обвинялъ митрополита Филарета, который будто бы поступилъ вопреки наказу, данному всею Землею: изъявлялъ сожалѣніе о бѣдствіяхъ Московскаго Государства; объявлялъ, что, пришедши въ совершенный возрастъ, идетъ самъ добывать Московское Государство, данное ему отъ Бога, и убѣждалъ всѣхъ московскихъ людей бить ему челомъ и покориться какъ законному московскому государю; обѣщалъ, наконецъ, поступать съ Михаиломъ, Филаретовымъ сыномъ, сообразно своему царскому милосердію, по прошенію всей Земли.

Притязанія польскаго королевича грозили внести новое междоусобіе въ несчастное государство.

Но правильныя военныя дѣйствія между Польшею и Москвою начались не ранѣе 1618 года (какъ мы указали въ жизнеописаніи Филарета). Война эта требовала крайняго напряженія силъ, а между тѣмъ Московское Государство еще не успѣло поправиться отъ прежнихъ бѣдствій и испытывало новыя въ томъ же родѣ, какъ въ предшествовавшіе годы. Разбойничьи шайки продолжали бродить и разорять народъ; самый образъ веденія войны съ Владиславомъ увеличивалъ число такого рода враговъ, потому что главныя силы польскаго королевича состояли изъ казаковъ и лисовчиковъ, а тѣ и другіе вели войну разбойничьимъ способомъ. Литовскіе люди, за-одно съ русскими ворами, проникали на берега Волги и Шексны и разбойничали въ этихъ мѣстахъ. Города были такъ дурно укрѣплены и содержимы, что не могли служить надежнымъ убѣжищемъ для жителей, которымъ небезопасно было оставаться въ своихъ селахъ и деревняхъ [1]). Между тѣмъ правительство принуждено было усиленными мѣрами собирать особые тяжелые налоги съ разореннаго народа. То были запросныя деньги, наложенныя временно, по случаю опасности, которыя должны были платить всѣ по своимъ имуществамъ и промысламъ, и кромѣ того, разные хлѣбные поборы, для содержанія служилыхъ людей; наконецъ, народъ долженъ былъ нести посошную службу въ войскѣ. Правительство приказывало не давать народу никакихъ отсрочекъ и править исцадно деньги и запасы. Воеводы, исполняя такія строгія повелѣнія, собирали посадскихъ и волостныхъ людей, били ихъ на правежѣ съ утра до вечера; почью голодныхъ и изби-

---

[1]) Состояніе города Углича, напр., представляется по современнымъ извѣстіямъ въ такомъ жалкомъ видѣ: «мосты погнили, башни стоятъ безъ кровли, ровъ засыпался, а кое-гдѣ и вовсе не копанъ. Ратныхъ людей почти нѣтъ, стрѣльцовъ и воротниковъ ни одного человѣка, пушкарей только шесть человѣкъ и тѣ голодные. Пороха нѣтъ, хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ. Посадскіе люди отъ нестерпимыхъ правежей почти всѣ разбѣжались съ женами и дѣтьми. Волости кругомъ выжжены, опустошены, а между тѣмъ въ Угличѣ сидѣли въ тюрьмѣ болѣе сорока человѣкъ разбойниковъ». Тѣ же черты можно было встрѣтить и въ другихъ городахъ большей части государства.

тыхъ держали въ тюрьмахъ, а утромъ снова выводили на правежъ и очень многихъ забивали до смерти. Жители разбѣгались, умирали отъ голода и холода въ лѣсахъ или попадали въ руки непріятелямъ и разбойникамъ. Бѣдствія, которыя народъ русскій терпѣлъ въ этомъ году отъ правительственныхъ лицъ, были ему не легче непріятельскихъ разореній. Монастыри же, какъ и прежде, пользовались своими привилегіями и если не вовсе освобождались отъ содѣйствія общему дѣлу защиты отечества, то гораздо въ меньшемъ размѣрѣ участвовали въ этомъ дѣлѣ; нѣкоторые изъ нихъ тогда же получали новыя льготныя грамоты. Служилые люди неохотно шли на войну; одни не являлись вовсе, другіе бѣгали изъ полковъ; въ Новгородской землѣ служилые люди въ то время имѣли поводъ особенно быть недовольными, потому что правительство отбирало у нихъ помѣстья, розданныя при шведскомъ владычествѣ изъ дворцовыхъ и черныхъ земель.

Въ такомъ состояніи былъ народъ, когда Владиславъ, идя къ Москвѣ въ августѣ 1618 года, снова возмущалъ русскихъ людей своею грамотою, увѣрялъ, что никогда не будетъ ни разорять православныхъ церквей, ни раздавать вотчинъ и помѣстій польскимъ людямъ, что поляки не станутъ дѣлать никакихъ насилій и стѣсненій русскому народу; напротивъ — сохраняемы будутъ прежніе права и обычаи. «Видите-ли, — писалъ Владиславъ, — какое разореніе и стѣсненіе дѣлается Московскому Государству, не отъ насъ, а отъ совѣтниковъ Михайловыхъ, отъ ихъ упрямства, жадности и корыстолюбія, о чемъ мы сердечно жалѣемъ: отъ насъ государя вашего, ничего вамъ не будетъ, кромѣ милости, жалованія и призрѣнія».

Избранный народною волею царь противопоставилъ этому покушенію своего соперника голосъ народной воли. 9 сентября 1618 года собранъ былъ Земскій соборъ всѣхъ чиновъ людей Московскаго Государства, и всѣ чины единогласно объявили, что они будутъ стоять за православную вѣру и своего государя, сидѣть съ нимъ въ осадѣ «безо всякаго сумнѣнія, не щадя своихъ го-

ловъ будутъ биться противъ недруга его, королевича Владислава, и идущихъ съ нимъ польскихъ и литовскихъ людей и черкасъ». Грамоты Владислава прельстили немногихъ изъ русскихъ людей. Какъ ни тяжело было русскому народу отъ тогдашняго своего правительства, но онъ слишкомъ зналъ поляковъ, познакомившись съ ними въ Смутное время. Дружба съ ними была невозможна. Дѣло Владислава было окончательно проиграно.

Въ сентябрѣ и октябрѣ русскіе дружно отстояли свою столицу, отбили приступы непріятеля и не поддались ни на какія предложенія принять Владислава. Когда непріятельскія дѣйствія по временамъ прекращались и начались переговоры, Левъ Сапѣга, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, исчислялъ русскимъ уполномоченнымъ всѣ выгоды, какія получитъ Русь отъ правленія Владислава; русскіе отвѣчали ему: «вы намъ не дали королевича, когда мы его избрали; и мы его долго ждали; потомъ — отъ васъ произошло кровопролитіе, и мы выбрали себѣ другого государя, цѣловали ему крестъ; онъ вѣнчанъ царскимъ вѣнцомъ, и мы отъ него не отступимъ. Если вы о королевичѣ не перестанете говорить, то нечего намъ съ вами и толковать». Въ концѣ-концовъ поляки должны были отказаться отъ мысли посадить на московскомъ престолѣ Владислава. 1-го декабря 1618 года подписано было деулинское перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Правда, Московское Государство много потеряло отъ этого перемирія, но выиграло нравственно, отстоявши свою независимость. Теперь уже недоразумѣнія могли возникать только о тѣхъ или о другихъ границахъ государствъ, но уже Московское Государство рѣшительнымъ заявленіемъ своей воли отразило всякія поползновенія Польши на подчиненіе его тѣмъ или другимъ путемъ [1]).

Въ іюнѣ 1619 года прибылъ Филаретъ, отецъ госу-

---

[1]) Замѣчательно, что по окончаніи перемирія русское правительство не наказывало смертью тѣхъ русскихъ, которые поддавались Владиславу, а только ссылало ихъ, наказавши предварительно нѣкоторыхъ изъ нихъ кнутомъ.

дáря, и былъ посвященъ въ патріархи. Дѣла пошли нѣсколько иначе, хотя система управленія осталась одна и та же. Стала замѣтною болѣе сильная рука, управлявшая дѣлами государства. Господствующимъ стремленіемъ было возвратить государство въ прежній строй, какой оно имѣло до Смутнаго времени, и, несмотря на стремленія назадъ, новыя условія жизни вызывали новые порядки. Наступило невиданное еще въ исторіи Московскаго Государства явленіе. Главою духовенства сдѣлался отецъ главы государства. Отсюда на время патріаршества Филарета возникло двоевластіе. Царь самъ заявлялъ, что его отцу, патріарху, должна быть оказываема одинаковая честь, какъ и царю. Всѣ грамоты писались отъ имени царя и патріарха. Царь во всѣхъ начинаніяхъ испрашивалъ у родителя совѣта и благословенія, и часто разъѣзжая съ своей благочестивой матерью по монастырямъ, на то время поручалъ отцу всѣ разныя государственныя дѣла. Въ церковныхъ дѣлахъ Филаретъ былъ полнымъ государемъ. Область, непосредственно подлежащая его церковному управленію, обнимала все, что прежде вѣдалось въ Приказѣ Большого Дворца, и заключала въ себѣ всѣ московскія владѣнія, кромѣ архіепископіи новгородской; но и архіепископъ новгородскій, хотя имѣлъ свое отдѣльное управленіе, находился, однако, въ подчиненіи у Филарета. Собственно для себя Филаретъ, въ годъ своего посвященія въ патріархи, въ 1619 году, получилъ въ вотчину на Двинѣ двѣ трети волости Варзуги, съ правомъ полнаго управленія надъ тамошними крестьянами, кромѣ разбойныхъ дѣлъ и татьбы съ поличнымъ. По извѣстію иностранцевъ, съ прибытіемъ Филарета перемѣнены были должностныя лица во всѣхъ вѣдомствахъ, и съ этихъ поръ начинается рядъ правительственныхъ распоряженій, клонящихся къ исправленію законодательства, къ пресѣченію злоупотребленій, къ установленію порядка по управленію и, мало-по-малу, къ облегченію народныхъ тягостей. Одною изъ важнѣйшихъ мѣръ была посылка писцовъ и дозорщиковъ для приведенія въ извѣстность состоянія всего государства, но эта мѣра не достигла полнаго успѣха по причинѣ нравствен-

наго зла, таившагося въ московскихъ людяхъ. Писцамъ и дозорщикамъ, за крестнымъ цѣлованіемъ, вмѣнялось въ обязанность поступать по правдѣ, дѣлать ошись государства такъ, чтобы сильные и богатые съ себя не сбавляли государственныхъ тягостей, а на мелкихъ и убогихъ людей не накладывали лишнихъ; но писцы и дозорщики, работая полтора-два года, писали «воровствомъ», не по правдѣ, съ сильныхъ сбавляли, а на мелкихъ и убогихъ людей накладывали, потому что съ сильныхъ и богатыхъ брали взятки. Правительство приказало ихъ посадить въ особую избу для исправленія своихъ писцовыхъ книгъ подъ надзоромъ окольничьихъ и дьяковъ. Но и эта мѣра, какъ показываютъ послѣдствія, не достигла своей цѣли: жалобы на неправильность распредѣленія податей и повинностей долго и послѣ того не прекращались. Изъятія однихъ въ ущербъ другимъ видны и въ это время. Такъ для сбора ямскихъ денегъ разосланы были денежные сборщики; ослушниковъ велѣли бить на правежѣ нещадно, а между тѣмъ вотчины Филарета, его монастырей и его дѣтей боярскихъ, вотчины митрополитовъ и многихъ важнѣйшихъ монастырей освобождались отъ этихъ поборовъ. Обратили вниманіе на то, что воеводы и приказные люди дѣлали невыносимыя насилія посадскимъ и крестьянамъ. Царская грамота запрещала воеводамъ и приказнымъ людямъ брать посулы и поминки, не дозволяла вымогать для себя безденежное продовольствіе, гонять людей на свои работы. Угрожали за нарушеніе этихъ правилъ пенею вдвое противъ того, что виновные возьмутъ неправильно, если челобитная, на нихъ поданная, окажется справедливою. Но, мимо всякихъ угрозъ, воеводы и приказные люди продолжали поступать попрежнему, тѣмъ болѣе, что правительство, дѣлая имъ угрозы за злоупотребленія, повѣряло имъ большую власть въ управляемыхъ ими областяхъ, потому что оно только черезъ ихъ посредство и при ихъ стараніи могло надѣяться на собираніе налоговъ съ народа. Нѣкоторымъ городамъ и уѣздамъ (напр., Вагѣ, Устюжнѣ) подтвержденъ былъ старый порядокъ самоуправленія; въ другихъ его уже не было, да и тамъ, гдѣ онъ существо-

валъ, онъ имѣлъ разныя степени размѣра[1]), но вездѣ онъ, болѣе или менѣе, стѣснялся властію воеводъ; впрочемъ, самые выборные старосты дѣлали утѣсненія бѣднымъ людямъ, и правительство приказывало своимъ воеводамъ охранять отъ нихъ народъ[2]). Вообще, въ это время, продолжая стараться всѣми мѣрами добывать себѣ деньги, правительство, однако, давало народу и облегченія въ разныхъ мѣстахъ[3]). Покончено было дѣло съ англичанами. Еще во время осады Москвы Владиславомъ, царь занялъ у нихъ 20,000 р., а въ іюлѣ 1620 года пріѣхалъ въ Москву извѣстный тамъ Джонъ Мерикъ; онъ поздравлялъ Филарета съ освобожденіемъ, потомъ снова началъ просить пропуска англичанъ въ Персію по Волгѣ. Правительство снова отдало этотъ вопросъ на обсужденіе торговыхъ людей, которые дали такой совѣтъ, что англичанъ не слѣдуетъ пускать въ Персію иначе, какъ за большую пошлину. Мерикъ имѣлъ у себя инструкцію добиваться безпошлиннаго проѣзда въ Персію. Видя, что не добьется этого, онъ самъ отказался отъ всякихъ правъ на этотъ проѣздъ съ платежомъ пошлинъ и сказалъ: «если отъ нашей торговли будетъ убытокъ государевой казнѣ и вашимъ торговымъ людямъ, то и говорить больше нечего. Мой король не желаетъ убытка вашей казнѣ и московскимъ людямъ». Долгъ англичанамъ былъ выплаченъ. Московское Государство осталось съ Англіею въ самыхъ лучшихъ, дружескихъ отношеніяхъ.

---

[1]) Напр. въ Новгородѣ выборные старосты и цѣловальники могли судить всякіе иски, исключая уголовныхъ дѣлъ. Въ Псковѣ судъ ихъ простирался на иски не свыше 100 р., но въ 1633 и псковскіе сравнены были съ новгородскими; въ другихъ мѣстахъ земскіе старосты и цѣловальники занимались только раскладкою податей и разверсткою повинностей.

[2]) Въ 1621—22 г. въ Чердыни и Соликамскѣ воеводамъ велѣно было оберегать народъ отъ злоупотребленій посадскихъ, волостныхъ старостъ и цѣловальниковъ, которые въ своихъ мірскихъ книгахъ дѣлали «бездѣльныя приписки», налагали неправильно повинности и брали себѣ лишнія деньги въ посулы; за такое воровство имъ угрожали смертною казнью.

[3]) Такъ, калужанамъ дана льгота отъ государственныхъ повинностей на три года. Въ разныхъ мѣстахъ давались разныя льготы, напр., въ платежѣ ямскихъ денегъ вмѣсто 1,000 руб. съ сохи — только 468 руб.

Обогащеніе казны составляло главную заботу московскаго правительства. Постановили, чтобы впередъ всѣ живущіе въ посадахъ служилые люди несли тягло наравнѣ съ посадскими, а посадскіе впередъ не смѣли бы продавать своихъ дворовъ такимъ лицамъ, которыя по своему званію освобождались отъ тягла[1]). Установлены были таможенные и кабацкіе головы для сбора доходовъ съ таможенъ и продажи напитковъ, а къ нимъ придавались выборные изъ мѣстныхъ жителей цѣловальники. Въ пограничныхъ торговыхъ городахъ: въ Архангельскѣ, Новгородѣ, Псковѣ, всѣ другіе товары, такъ-называемые узорочные (къ нимъ причислялись золотыя и серебряныя вещи), не прежде могли поступать въ продажу, какъ послѣ того, какъ таможенный голова отберетъ и купитъ въ казну все, что найдетъ лучшаго. То же соблюдалось и по отношенію къ иноземнымъ напиткамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто того, чтобы держать головъ, таможенные и кабацкіе сборы стали давать на откупъ: и такая мѣра была особенно отяготительна для жителей тѣмъ болѣе, что откупщики были большею частью люди дурные. Кабаки развелись повсюду; правительство постоянно приказывало стараться, чтобъ люди побольше пили и доставляли казнѣ выгоды. Очень многимъ лицамъ давались привилегіи приготовлять для себя, но никакъ не на продажу, напитки предъ большими праздниками или по поводу разныхъ семейныхъ торжествъ. Эти дозволенія служили поводомъ къ безпорядкамъ, потому что подавали возможность тайно продавать вино или же обвинять въ тайной продажѣ. Торговцы и промышленники, кромѣ таможенныхъ пошлинъ,

---

[1]) Тягло обнимало въ то время много налоговъ, поборовъ и повинностей, какъ-то: подводная, ямскія деньги, стрѣлецкія деньги и проч. Къ числу отправляемыхъ тяглами, принадлежало тогда устройство деревянныхъ мостовыхъ въ городахъ и мѣры предупрежденія пожаровъ: съ послѣднею цѣлью въ Москвѣ выбирались изъ жителей «ярыжные»; жители должны были доставлять имъ на свой счетъ огнеспасительныя принадлежности.

[2]) Продажа табаку и картъ строго преслѣдовалась: за употребленіе табаку рѣзали носы.

облагались разными поборами: въ городахъ платили полавочное, на дорогахъ и перевозахъ — мыто. За продажу запрещенныхъ товаровъ (напр., соли, отправленной заграницу, или за провозъ въ Сибирь оружія, желѣзныхъ издѣлій и вина) брали заповѣдныя деньги. Самыя повседневныя занятія облагались различными мелкими поборами, напр., за водоной скотины и за мытье бѣлья на рѣкѣ бралось пролубное, и для такого сбора изъ жителей выбирались особые цѣловальники, которые клали собираемыя деньги въ ящикъ за казенною печатью. Выборъ цѣловальниковъ къ разнымъ казеннымъ сборамъ и работамъ, отправляемыхъ съ тягла, въ значительной степени отягощалъ народъ; казенная служба отвлекала выбранныхъ отъ собственныхъ занятій, а общество должно было платить за нихъ подати.

При разстроенномъ состояніи Московскаго Государства, Сибирь была тогда важнымъ источникомъ поправленія финансовъ. Сибирскіе мѣха выручали царскую казну въ то время, когда невозможно было собирать налоговъ съ разоренныхъ жителей внутреннихъ областей. Государь отдѣлывался соболями повсюду, гдѣ только нужно было платить и дарить. Правительство старалось преимущественно захватить въ свои руки мѣха передъ частными торговцами, и хотя послѣднимъ дозволялось ѣздить въ Сибирь для покупки мѣховъ, но они были стѣснены разными распоряженіями, отнимавшими у нихъ время и предававшими ихъ произволу воеводъ[1]).

Русскіе подвигались шагъ за шагомъ на Востокъ и, съ каждымъ захватомъ новыхъ земель, строили остроги и облагали туземцевъ ясакомъ. Но чтобы Сибирь была прочно привязана къ Московскому Государству, необходимо было заселить ее, насколько возможно русскимъ народомъ. Правительство принимало къ этому мѣры въ описываемое нами время.

Кромѣ служилыхъ, преимущественно казаковъ, ядро тогдашняго русскаго населенія въ Сибири составляли пашенные крестьяне, которые набирались изъ охотни-

---

[1]) Мѣхами дорожили до такой степени, что когда не доискались пары соболей между мѣхами, посланными изъ Сибири въ царскую казну, то производили по этому поводу слѣдствіе.

ковъ — больныхъ, гулящихъ людей, — имъ давали земли, деньги на подмогу, и льготы и на нѣсколько лѣтъ. Эти пашенные крестьяне обязаны были пахать десятую часть въ казну, и этотъ хлѣбъ, называемый десятинымъ, шелъ на продовольствіе служилыхъ.

При водвореніи пашенныхъ крестьянъ, землю, отводимую имъ, мѣрили на десятины, на три поля, и присоединяли къ ней сѣнные покосы и разныя угодья. Это дало немедленно поводъ къ тому, что нѣкоторые захватывали земель болѣе, чѣмъ слѣдовало, и стали продавать. Такъ было въ западной Сибири, напр., въ верхотурскомъ уѣздѣ, гдѣ населеніе было сравнительно гуще; правительство, узнавши объ этомъ, приказывало дѣлать пересмотры земель и за владѣльцами оставлять только ту землю, которую они дѣйствительно обрабатывали. Такимъ образомъ, положено было препятствіе къ захвату сибирскихъ земель въ частную собственность. Такъ какъ движеніе русской власти на Востокъ совершалось быстро, то потребность въ пашенныхъ крестьянахъ превышала число охотниковъ поступать въ это званіе, и тогда правительство приказывало насильно сводить поселенныхъ уже пашенныхъ крестьянъ съ мѣстъ болѣе близкихъ на мѣста болѣе отдаленныя; такъ переводились крестьяне изъ Верхотурья и Тобольска въ Томскъ, и это насильное передвиженіе подавало поводъ къ побѣгамъ: явленіе, черезчуръ обычное въ европейскихъ странахъ Московскаго Государства, очень скоро показалось и въ Сибири. Кромѣ пашенныхъ крестьянъ, позволяли заниматься земледѣліемъ всѣмъ вообще, какъ-то: духовнымъ, торговымъ людямъ, посадскимъ; съ нихъ брали такъ называемый выдѣльный снопъ[1]). Пашенные крестьяне и работавшіе съ выдѣльнаго снопа не могли доста-

[1]) Способъ собиранія выдѣльнаго снопа, а также и десятиннаго хлѣба съ казенныхъ крестьянъ приносилъ большія неудобства землевладѣльцамъ. Послѣдніе не смѣли складывать въ клади сжатаго хлѣба, пока служилые люди не придутъ и не возьмутъ того, что слѣдуетъ въ казну, а такъ какъ село отъ села отстояло верстъ на стопятьдесятъ и болѣе, то служилые люди не успѣвали пріѣзжать во время, и хлѣбъ пропадалъ въ поляхъ отъ непогоды или былъ расхищаемъ птицею. Отъ этого народъ терпѣлъ нерѣдко голодъ.

вить казнѣ хлѣба въ такомъ количествѣ, въ какомъ нужно было для продовольствія служилыхъ въ Сибири; поэтому хлѣбъ доставлялся изъ Пермской земли на счетъ тамошнихъ жителей, что называлось сибирскимъ отпускомъ — повинность эта была тяжелая, хлѣбъ скупался по таксѣ: по 25 алтынъ за четверть ржи (алтынъ — 6 денегъ, а въ рублѣ — 200 денегъ или 33 алтына 4 д.), а постройка судовъ и доставленіе подводъ лежали на жителяхъ.

Въ Сибири, какъ въ странѣ болѣе отдаленной, сильно проявлялись пороки тогдашнихъ русскихъ людей. Воеводы съ особенной наглостью брали взятки и дѣлали всѣмъ насилія; служилые люди обращались дурно съ туземцами и накладывали на нихъ лишній ясакъ, сверхъ положеннаго, въ свою пользу; наконецъ, пьянство въ Сибири дошло до такихъ предѣловъ, что правительство принуждено было поступать вопреки общепринятымъ мѣрамъ и велѣло уничтожить кабаки въ Тобольскѣ[1]). Церквей въ Сибири было мало; переселенцы удалены были и отъ богослуженія и отъ надзора духовныхъ и вели совсѣмъ неблагочестивый образъ жизни. Патріархъ Филаретъ въ 1621 посвятилъ въ Сибирь перваго архіерея, архіепископа Кипріана. Но на слѣдующій же годъ оказалось, что русскіе сибиряки не хотѣли его слушать и отличались крайнею распущенностью нравовъ. Филаретъ послалъ въ Сибирь обличительную грамоту, съ приказаніемъ читать ее всенародно въ церквахъ. Онъ укорялъ русскихъ поселенцевъ Сибири, особенно служилыхъ людей, за то, что они не соблюдали положенныхъ церковью постовъ, ѣли и пили съ иновѣрцами, усваивали ихъ обычаи, находились въ связи съ некрещенными женщинами, впадали въ кровосмѣшенія, брали себѣ насильно чужихъ женъ, закладывали, продавали, перепродавали ихъ другъ другу; пріѣзжая въ Москву съ казною, сманивали и увозили въ Сибирь женщинъ и, въ оправданіе своихъ безнравственныхъ поступковъ, показы-

---

[1]) Однако въ Верхотурьѣ оно не рѣшилось этого сдѣлать, потому что тамъ была главная сибирская таможня и всегда находилось скопленіе торговыхъ людей; они доставляли казнѣ слишкомъ много дохода потребленіемъ вина.

вали грамоту, будто данную имъ какимъ-то дьякомъ Андреемъ. Сибирское духовенство до крайности снисходительно относились къ такому поведенію своей паствы, да и сами духовные нерѣдко вели себя не лучше мірскихъ людей. Мы не знаемъ, въ какой степени повліяло на сибиряковъ посланіе Филарета, но съ этихъ поръ стало заводиться въ Сибири болѣе церквей и монастырей.

Таково было положеніе въ Сибири, — странѣ, какъ мы сказали, имѣвшей наибольшее значеніе для обогащенія казны Московскаго Государства.

Важенъ былъ для Россіи и край приволжскій, но значеніе его оставлялось еще будущимъ временамъ; нижняя часть его была при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ еще очень мало заселена. Начиная отъ Тетюшей внизъ, берега широкой рѣки были пусты; только три города: Самара, Саратовъ[1]) и Царицынъ, представлялись путнику, плывшему по Волгѣ; эти города были заселены исключительно стрѣльцами и были скорѣе сторожевыми остроżками, чѣмъ городами. Осѣдлыхъ земледѣльцевъ въ этомъ краѣ не было. Встрѣчались кое-гдѣ только временно проживавшіе рыбаки, приманиваемые необыкновеннымъ изобиліемъ рыбы въ Волгѣ. Въ ущельяхъ горъ, окаймляющихъ правый берегъ рѣки, гнѣздились воровскіе казаки и, при удобномъ случаѣ, нападали на плывущія суда. Самое опасное въ этомъ отношеніи мѣсто было въ Жегулевскихъ горахъ, около впаденія рѣки Усы въ Волгу, гдѣ оба берега значительно высоки и были покрыты дремучимъ лѣсомъ. Поэтому плавать по Волгѣ было возможно только подъ прикрытіемъ вооруженныхъ людей. Въ описываемое время отъ Нижняго до Астрахани и обратно ходили, такъ называемые, караваны — вереницы судовъ, плывшихъ въ сопровожденіи стрѣльцовъ, которые находились на передовомъ суднѣ. Караваны сверху въ Астрахань проходили весною, а снизу изъ Астрахани осенью, и привозимые въ Нижній восточные товары развозились уже съ наступленіемъ зимняго пути на

[1]) Саратовъ былъ построенъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь, а на противоположной сторонѣ Волги, въ четырехъ верстахъ отъ нея.

саняхъ. Плаваніе вверхъ по Волгѣ было очень медленно, и въ случаѣ противнаго вѣтра, гребцы и рабочіе выходили на берегъ и тянули суда лямкою; кромѣ судовъ, отправлявшихся съ караваномъ, нѣкоторые смѣлые хозяева пускались отдѣльно на своихъ стругахъ и носадахъ, но нерѣдко платились достояніемъ и жизнію за свою смѣлость. Городъ Астрахань возрасталъ, благодаря торговлѣ съ Персіею. Кромѣ персіянъ, въ Астрахани торговали бухарцы, но турецкихъ подданныхъ не пускали въ городъ. Персидская торговля въ это время была мѣновая. Важною вѣтвью торговоіі дѣятельности въ Астрахани была торговля татарскими лошадьми, но правительство, желая взять ее въ свои руки, стѣсняло ее въ Астрахани и приказывало татарамъ пригонять лошадеіі прямо въ Москву, гдѣ для царя отбирались лучшія лошади. Этотъ пригонъ лошадеіі въ столицу назывался ордобазарною станицею.

Вліяніе Салтыковыхъ при дворѣ ослабѣло тотчасъ съ прибытіемъ Филарета, но они держались нѣсколько лѣтъ, благодаря покровительству Маріы Ивановны. Жертва ихъ злобы, Марья Хлопова, жила въ Верхотурьѣ до конца 1620 года. Въ этотъ годъ ее перевезли въ Нижній, означивши въ грамотѣ подъ именемъ Анастасіи, даннымъ ей при взятіи во дворецъ. Филаретъ думалъ было женить сына на польскоіі королевнѣ, потомъ на датскоіі, но сватовство не удалось. Царь, изъ угожденія къ матери, долго сдерживалъ свои чувства, наконецъ, объявилъ родителю, что не хочетъ жениться ни на комъ, кромѣ Хлоповоіі, которая ему указана Богомъ. Произвели слѣдствіе о бывшеіі болѣзни царскоіі невѣсты. Призваны были отецъ и дядя Марьи Хлоповоіі. При бояринѣ Шереметевѣ, чудовскомъ архимандритѣ Іосифѣ, ясельничемъ Глѣбовѣ и дьякѣ Михаіловѣ, царь сдѣлалъ допросъ врачамъ, лѣчившимъ Хлопову. Эти врачи показали царю совсѣмъ не то, что доносили ему семь лѣтъ предъ тѣмъ Салтыковы, будто бы со словъ этихъ самыхъ врачеіі. Эти врачи никогда не говорили Салтыковымъ, что царская невѣста больна неизлѣчимо и неспособна къ дѣторожденію. Изобличенные на очноіі ставкѣ съ докторами Салтыковы, боярин Борисъ и окольничіі

Михайло, были сосланы въ ихъ далекія вотчины, впрочемъ безъ лишенія чиновъ. Но это не помогло несчастной Хлоповой. Мать царя упорно вооружилась противъ брака Михаила съ Хлоповой и поклялась, что не останется въ царствѣ своего сына, если Хлопова будетъ царицею. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и на этотъ разъ уступилъ волѣ матери. Въ грамотѣ отъ ноября 1623 года было объявлено Ивану Хлопову, что великій государь не соизволилъ взять дочь его Марью въ супруги; приказано Ивану Хлопову жить въ своей коломенской вотчинѣ, а Марьѣ Хлоповой вмѣстѣ съ дядею своимъ Желябужскимъ оставаться въ Нижнемъ (гдѣ ей данъ былъ дворъ, нѣкогда принадлежавшій Козьмѣ Минину и послѣ смерти бездѣтнаго сына его. Нефеда, взятый въ казну, какъ выморочное владѣніе). Говорятъ, что Филаретъ сильно укорялъ сына за малодушіе, высказанное послѣднимъ въ дѣлѣ Хлоповой.

Въ сентябрѣ 1624 года царь, по назначенію матери, женился на дочери князя Владимира Тимоѳеевича Долгорукова, Маріи, противъ собственнаго желанія. 19 сентября было совершено бракосочетаніе, а на другой день молодая царица оказалась больною. Говорили, что ее испортили лихіе люди. Неизвѣстно, кто были лихіе люди, и дѣйствительно ли царица была жертвою таинаго злодѣянія, только черезъ три мѣсяца съ небольшимъ, 6 января 1625 года, она скончалась. Современникъ указываетъ на это, какъ на Божіе наказаніе за насиліе, совершившееся надъ Хлоповой. 29 января 1626 года царь вступилъ во второй бракъ съ дочерью незнатнаго дворянина Евдокіею Лукьяновою Стрѣшневой, будущей матерью царя Алексѣя. Замѣчательно, что ее ввели въ царскій дворецъ и нарекли царицею только за три дня до брака, какъ-бы въ предупрежденіе придворныхъ козней, уже погубившихъ двухъ царскихъ невѣстъ.

Вскорѣ послѣ бракосочетанія царя послѣдовалъ указъ Филарета такого содержанія: въ мартѣ 1625 года прибылъ въ Москву посланникъ шаха Абасса, грузинецъ Урусамбекъ, и привезъ золотой, осыпанный драгоцѣнными каменьями, ковчегъ, въ которомъ находился кусокъ старой льняной ткани, выдаваемой пресидскимъ

шахомъ за срачицу Іисуса Христа. Такъ какъ признать на вѣру справедливость свидѣтельства иновѣрнаго государя казалось соблазнительнымъ, то Филаретъ, для узнанія истины, прибѣгнулъ къ такому способу: наложилъ на недѣлю постъ, повелѣлъ носить присланную святыню къ болящимъ и наблюдать: будутъ ли чудеса отъ этой ризы Господней. Отъ марта до сентября 1625 года оказалось 67 чудесъ, а отъ сентября до марта 1626 года — 4 чуда. На этомъ основаніи риза признана подлинною, учреждено было празднество въ честь ея 27 марта; начались строиться церкви во имя Ризы Господней.

Время отъ второго бракосочетанія царя до второй польской войны ознаменовалось нѣкоторыми законодательными мѣрами къ исправленію дѣлопроизводства и къ устройству благочинія. Самою важнѣйшею изъ этихъ мѣръ было возстановленіе въ 1627 году губныхъ старостъ. Это учрежденіе, общее въ XVI вѣкѣ, не было формально уничтожено, но значеніе его упало: уже во многихъ мѣстахъ не было вовсе губныхъ старостъ, въ другихъ они были, но часто не по выбору, а по назначенію, и возбуждали противъ себя жалобы за свои злоупотребленія: выпускали за взятки воровъ и разбойниковъ, научали колодниковъ оговаривать невинныхъ. Между губными старостами и воеводами происходили пререканія: губные старосты обличали воеводъ, а воеводы — губныхъ старостъ въ вопіющихъ злоупотребленіяхъ. Власть ихъ вообще была не разграничена отъ власти другихъ должностныхъ лицъ. Часто по возникшимъ уголовнымъ дѣламъ посылались изъ Москвы нарочные сыщики, ненавидимые народомъ за свои злоупотребленія и насилія. Разбои не прекращались. Теперь велѣно было во всѣхъ городахъ произвести выборъ (людьми всѣхъ званій) губныхъ старостъ изъ зажиточныхъ дворянъ, хорошаго поведенія и умѣющихъ грамотѣ, «которымъ бы можно въ государевыхъ дѣлахъ вѣрить»; имъ поручалось сыскивать всякія уголовныя дѣла, но отписывать объ нихъ въ Москву. Затѣмъ постановлено было не разсылать болѣе сыщиковъ по уголовнымъ дѣламъ. Но возстановленіе значенія губныхъ старостъ не удовлетворило, однако, вполнѣ общественной безопасности. Судъ губныхъ ста-

рость не былъ независимъ: они должны были относиться за рѣшеніемъ дѣлъ въ Москву, въ разбойный приказъ; разъ выбранные, они могли быть смѣняемы не иначе, какъ по волѣ правительства; иногда даже они (какъ дѣлалось передъ тѣмъ) назначались безъ выбора; наконецъ въ ихъ дѣла и управленіе вмѣшивались воеводы. Неточность въ разграниченіи обязанностей была дѣломъ обычнымъ въ Московскомъ Государствѣ. Иногда, вмѣсто губнаго старосты, завѣдывалъ уголовнымъ дѣломъ воевода, а въ другомъ мѣстѣ губнымъ старостамъ поручались неуголовныя дѣла. Были случаи (напр., въ 1644 г. въ Дмитровѣ и Кашинѣ), что жители жаловались правительству на губныхъ старостъ и просили быть у нихъ, вмѣсто старостъ, воеводамъ.

Жалобы на разбои не прекращались послѣ этого учрежденія. Въ особенности разбойничали люди и крестьяне дворянъ и приказныхъ людей, а владѣльцы ихъ укрывали. Подобное случалось тоже и въ тяглыхъ обществахъ. Поэтому, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ учрежденія губныхъ старостъ правительство установило брать пени съ обществъ, сотенъ, улицъ, селъ и пр. въ такихъ случаяхъ, когда жители покажутъ, что у нихъ нѣтъ разбойниковъ, а разбойники окажутся; или же когда будетъ дознано, что люди не поспѣшили на крикъ разбиваемыхъ разбойниками. Но у людей того времени господствовали старинныя обычныя понятія о преступленіяхъ: на уголовное дѣло смотрѣли, какъ на частную обиду; родственникъ, подавшій искъ на убійцу своего кровнаго, зачастую заключалъ съ нимъ мировую, и дѣло прекращалось. Такія мировыя и прежде запрещались закономъ, но продолжали совершаться. Новое запрещеніе послѣдовало при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, но и послѣ этого вторичнаго запрещенія видны примѣры стараго обычая. За убійство и разбои обыкновенно казнили смертью; тому же подвергались церковные воры, а равнымъ образомъ и всякій воръ, трижды попавшійся въ кражѣ. (За вторую и первую кражу обыкновенно отсѣкали руку). Но были случаи, когда убійство не влекло за собою казни: дворянинъ, сынъ боярскій или ихъ приказчикъ, убивши чужого крестьянина и сказавши подъ пыткой, что онъ

убилъ его неумышленно, отвѣчалъ за убійство не самъ; изъ его помѣстья брали лучшаго крестьянина и отдавали тому, у кого убитъ крестьянинъ. Боярскій человѣкъ, убившій чужого боярскаго человѣка, отдавался съ женоії и дѣтьми господину убитаго. Въ 1628 году было установлено, чтобы кабалы, даваемыя людьми на себя, были дѣйствительны только въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, а ростъ на занятыя деньги — только въ продолженіе пяти лѣтъ, потому что въ этотъ срокъ проценты равнялись занятому капиталу. Относительно правежа сдѣлано было распоряженіе, указывающее замѣчательную черту тогдашнихъ нравовъ. Многіе, задолжавши, хотя владѣли имѣніями, но соглашались лучше подвергать себя правежу и позволять себя бить палками, чѣмъ отдать за долги свое имущество; и правительство постановило, чтобы впередъ такихъ должниковъ не держать на правежѣ болѣе мѣсяца, а сыскивать долги на ихъ имѣніяхъ. Новыя мѣры противъ пожаровъ предприняты были послѣ того, когда Москва два раза, въ 1626 и 1629 годахъ подвергалась опустошительнымъ пожарамъ, но эти мѣры, однако, были мало дѣйствительны, такъ какъ пожары и послѣ того повторялись и въ Москвѣ, и въ другихъ мѣстахъ.

Въ это время сложилась и развилась правильная система государственнаго управленія посредствомъ Приказовъ; по крайней мѣрѣ, съ этихъ годовъ постоянно упоминаются многіе Приказы, о которыхъ прежде нѣтъ извѣстій[1]).

Срокъ перемирія съ Польшей истекалъ, и въ 1631 году правительство начало готовиться къ войнѣ, такъ какъ во всѣ прежніе годы безпрерывныя недоразумѣнія съ Польшею показывали, что война неизбѣжна. Велѣно

[1]) Патріаршій дворецъ, патріаршій судный приказъ, патріаршій разрядъ, новгородская четь, новая четь, устюжская четь, галицкая четь, костромская четь, московскій судный приказъ, казенный дворъ, мастерская государева палата, сбору ратныхъ и даточныхъ людей приказъ, дворцовый и судный приказъ, полоняничный приказъ (вѣроятно, существовавшій раньше), приказъ сыскныхъ дѣлъ и пр., кромѣ прежде существовавшихъ.

было дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ быть готовыми[1]). Съ монастырскихъ имѣній, со всѣхъ вотчинъ и помѣстій за даточныхъ людей положены были деньги: по 25 руб. на коннаго и по 10 руб. на пѣшаго. Между тѣмъ, сознавалась потребность водворенія правильнаго обученнаго войска на иностранный образецъ, и такъ какъ изъ русскихъ людей такого войска нельзя было составить въ скоромъ времени, то поневолѣ рѣшено было пригласить иностранцевъ. Узнавши объ этомъ желаніи, начали являться въ Россію разные иноземцы съ предложеніями нанимать за-границею ратныхъ людей. Правительство дало порученіе такого рода полковнику Лесли и подполковнику Фандаму, служившему нѣкогда французскому королю: правительство приказало имъ нанять за-границею полкъ ратныхъ людей всякихъ націй, но только не католиковъ, съ платою впередъ на 4 мѣсяца и съ правомъ, по желанію, удалиться въ отечество, оставивши, однако, въ Россіи свое оружіе; раненымъ обѣщана была награда. Лесли и Фандамъ, кромѣ наема людей, имѣли также порученіе купить за-границей 10.000 мушкетовъ съ фитилями, для вооруженія иноземныхъ солдатъ (каждый мушкетъ обошелся тогда по 1½ р.). Кромѣ того, выписано было изъ Голландіи нѣсколько людей, знающихъ городовое дѣло, и сдѣлана была закупка пороху, ядеръ и сабельныхъ полосъ. Правительство такъ дорожило наемными иноземными воинами, что, заслышавъ о прибытіи Лесли съ ратными людьми, выслало имъ навстрѣчу воеводу Стрѣшнева съ приказомъ продовольствовать ихъ харчевникамъ на пути пивомъ и съѣстными припасами и велѣло выбрать особыхъ цѣловальниковъ для наблюденія, чтобы харчевники не брали съ нихъ лишняго.

Въ апрѣлѣ 1632 года скончался польскій король Сигизмундъ III. Въ Польшѣ принялись за избраніе новаго короля. Пользуясь междуцарствіемъ, которое у поляковъ всегда сопровождалось безпорядками, царь и

[1]) Они были раздѣлены на статьи: принадлежащіе къ первой статьѣ получали 25 р. годового жалованья, къ средней — 20, а къ меньшей — 15.

патріархъ приказали начать непріязненныя дѣйствія противъ Польши и прекратить сношенія съ Литвою, изъ опасенія какого-нибудь зла отъ литовскихъ людей. Не велѣно было покупать у нихъ хмель, потому что «баба-вѣдунья наговариваетъ на хмель, и они провозятъ моровое повѣтріе».

Созванъ былъ Земскій соборъ. На немъ рѣшено было отомстить полякамъ за прежнія неправды и отнять у нихъ города, неправильно захваченные ими у русскихъ. На жалованье ратнымъ людямъ положено собрать по-прежнему съ гостей и торговыхъ людей пятую деньгу, а бояре, окольничіе и думные люди, стольники, дворяне и дѣти боярскіе, дьяки, архіереи и всѣ монастырскія власти обязывались давать, смотря по своимъ пожиткамъ, вспоможеніе, которое называлось «запросными деньгами», и доставлять въ скоромъ времени въ Москву князю Пожарскому съ товарищами, которымъ порученъ былъ этотъ соборъ. Главное начальство надъ войскомъ въ 32.000 человѣкъ поручено было боярину Михаилу Борисовичу Шеину и окольничему Артемію Измайлову (всего войска было болѣе 66.000 и 158 орудій). Шеинъ и Измайловъ должны были идти добывать Смоленскъ, а прочіе воеводы — другіе города. Дѣла шли удачно для Московскаго Государства; воеводы успѣли захватить нѣсколько городовъ и посадовъ; самъ Шеинъ окружилъ себя окопами подъ Смоленскомъ на Покровской горѣ. Поляки въ Смоленскѣ отбивались 8 мѣсяцевъ и уже, по недостатку припасовъ, готовились сдаться, какъ въ августѣ 1633 года, въ ту пору неожиданно, подошелъ къ городу король Владиславъ съ 23.000 человѣкъ войска. Въ это время, по наущенію Владислава, казаки и крымцы напали на украинные города Московскаго Государства. Услыхали объ этомъ служилые люди, помѣщики украинныхъ городовъ, бывшіе въ войскѣ Шеина; они вообразили себѣ, какъ въ ихъ отсутствіе враги станутъ убивать и брать въ плѣнъ женъ и дѣтей, и стали разбѣгаться. Войско Шеина значительно уменьшилось: онъ не могъ устоять противъ Владислава на Покровской горѣ, отступилъ и заперся вблизи въ острожкѣ. Поляки осадили его. Шеинъ выдержалъ осаду до февраля 1634 года.

Войско его страдало отъ цынги. Сдѣлался моръ, а изъ Москвы не посылали ему ни войска, ни денегъ. Царь 28 января 1634 года, узнавши о бѣдственномъ состояніи Шеина, снова созвалъ Земскій соборъ и жаловался, что сборъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ шелъ хуже, чѣмъ въ прежніе годы, хотя Русская Земля съ тѣхъ поръ и поправилась. Соборъ постановилъ новый сборъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ, который и порученъ былъ боярину Лыкову. Но пока могли быть собраны эти деньги и доставлено продовольствіе Шеину, его войско подъ Смоленскомъ пришло въ крайнее положеніе. Между тѣмъ, иностранцы, бывшіе при Шеинѣ, начали сноситься съ королемъ. Это побудило, наконецъ, Шеина испросить у царя дозволеніе вступить въ переговоры съ поляками о перемиріи. Шеинъ заключилъ условіе, по которому русскому войску дозволялось безпрепятственно вернуться въ отечество съ тѣмъ оружіемъ, какое оно имѣло на себѣ, положивши всѣ пушки и знамена передъ королемъ, а желающимъ представлялось вступить въ польскую службу: но изъ русскихъ людей нашлось такихъ только 8 челов., а иноземцевъ перешло довольно. 2.0004 человѣка больныхъ воиновъ было оставлено подъ Смоленскомъ. Съ Шеиномъ ушло 8.056 человѣкъ. Шеинъ съ товарищами вернулся въ Москву.

Въ то время, когда Шеинъ стоялъ подъ Смоленскомъ, въ Москвѣ произошли большія перемѣны. Филаретъ скончался въ октябрѣ 1633 года. Вмѣсто него возведенъ былъ на патріаршескій престолъ псковскій епископъ Іосифъ, прежде гонимый Филаретомъ, а подъ конецъ назначенный имъ самимъ себѣ въ преемники. Съ кончиною Филарета подняли голову бояре, которые до того времени боялись строгаго патріарха, но нисколько не боялись добродушнаго царя. Немедленно возвращены были Салтыковы и снова стали близкими къ царю людьми.

Бояре вообще ненавидѣли Шеина. Онъ раздражалъ ихъ своею гордостью, озлоблялъ заносчивостью: Шеинъ, гдѣ только могъ, не затруднялся высказывать свое превосходство передъ другими и выставлять неспособность своихъ товарищей; Михаилъ Борисовичъ не считалъ ни-

кого себѣ равнымъ. Лѣтописцы говорятъ, что и въ воiйскѣ, какъ начальникъ, онъ не былъ любимъ ратными людьми за то, что обращался съ ними надменно и жестоко. Бояре увидали случаiй отомстить ему за всѣ оскорбленiя, которыя онъ дозволялъ себѣ по отношенiю къ нимъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, по смерти родителя, не имѣлъ силы воли противостать боярамъ, а можетъ быть и самъ находился подъ ихъ вліянiемъ. Надъ Шеннымъ и его товарищами произвели слѣдствiе и 23 апрѣля 1634 года въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ приговорили казнить смертiю Михаила Шенна, Артемiя Измаiлова и сына послѣдняго, Василiя.

Когда осужденныхъ вывели за городъ на «пожаръ», мѣсто казни преступниковъ, то дьякъ Димитрiй Прокофьевъ всенародно прочиталъ приговоръ, подробно исчислилъ «воровство» и измѣну приговоренныхъ къ смерти. Прежде всего поминалось большое жалованье царскому бывшему боярину Шенну: царь, передъ отправкою его въ походъ, далъ ему изъ дворцовыхъ волостей большое село Голенищево съ приселками и деревнями и не велѣлъ брать никакихъ податей съ помѣстей и вотчинъ Шенна и Измаiлова. Шенну поставили въ первую вину то, что, еще не уходя на службу, онъ передъ государемъ исчислилъ съ большою гордостью свои прежнiя заслуги и выразился о другихъ боярахъ, что въ то время, когда онъ служилъ, они «за печью сидѣли и сыскать ихъ нельзя было». Царь, для своего государскаго и земскаго дѣла, не хотѣлъ его оскорбить и смолчалъ, а бояре, слыша такiя грубыя и поносныя слова и видя, что государь къ нему милостивъ, не хотѣли государя раскручинить. Здѣсь проглядываетъ настоящая причина злобы противъ Шенна: опираясь на покровительство сильнаго Филарета, онъ былъ слишкомъ смѣлъ, и въ то же время, отправляясь на воiйну, слишкомъ надѣялся на самого себя; вышло ему на зло: онъ проигралъ въ воiнѣ; а Филарета не стало и некому было запитить его. Ему съ Измаiловымъ поставили въ вину разныя военныя распоряженiя, между прочимъ и то, что они велѣли свести въ одинъ острожекъ ратныхъ людей, находившихся по разнымъ острожкамъ, отдали королю пушки и обезчестили имя

государя тѣмъ, что клали передъ королемъ царскія знамена. Припомнили Шеину, какъ онъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, воротившись изъ Польши, гдѣ былъ плѣнникомъ, не объявилъ государю о томъ, что цѣловалъ крестъ польскому королю. Его поступокъ подъ Смоленскомъ толковался такъ, какъ будто Шеинъ хотѣлъ исполнить свое прежнее крестное цѣлованіе королю. Сынъ Артемія Измайлова, Василій, былъ обвиненъ въ томъ, что пировалъ съ поляками и русскими измѣнниками, находившимися у Владислава, и произносилъ такія слова: «какъ можетъ наше московское плюгавство биться противъ такого монарха? Каковъ былъ царь Иванъ, да и тотъ противъ литовскаго короля своей сабли не вынималъ!»

Имъ троимъ отрубили головы 27 апрѣля.

Другого сына Измайлова и съ нимъ двухъ человѣкъ наказали кнутомъ и сослали въ Сибирь въ тюрьму за произнесеніе передъ литовскими людьми непристойныхъ словъ. Сосланъ былъ сынъ Шеина и черезъ нѣсколько дней умеръ. Ссылка постигла совершенно безучастнаго въ этомъ дѣлѣ брата Измайлова Тимоѳея, единственно за измѣну Артемія.

Трудно рѣшить: были ли виноваты Шеинъ и его товарищи въ ошибкахъ, въ которыхъ обвинялись. Мы не знаемъ, что представляли они въ свое оправданіе, но, безъ сомнѣнія, измѣны за ними не было, иначе они бы и не воротились въ Москву. Шеинъ заключилъ перемиріе не добровольно, а съ дозволенія царя. Невозможность спасти пушки объясняется крайнимъ положеніемъ войска. Приговоръ, произведенный надъ Шеинымъ, противорѣчилъ фактамъ: Шеина обвиняли въ томъ, что онъ стянулъ все войско въ одинъ острожекъ, а между тѣмъ царь за это хвалилъ Шеина въ свое время.

Несчастіе подъ Смоленскомъ, за которое поплатился Шеинъ съ товарищемъ, оказало печальныя послѣдствія. Московскому Государству теперь уже чрезвычайно трудно было собрать ратныя силы и деньги для веденія войны. Оставалось просить мира, но, къ счастію, Польша предупредила въ этомъ Москву. Король изъ-подъ Смо-

ленска отправился къ Бѣлоїї и никакъ не могъ взять ее, а между тѣмъ въ его войскѣ открылся большой недостатокъ жизненныхъ припасовъ; въ то же время къ королю приходили угрожающія вѣсти, что турецкій султанъ намѣревается напасть на Польшу, а съ другоїї стороны шведы хотятъ отказаться отъ участія въ нѣмецкоїї тридцатилѣтнеїї войнѣ и устремиться на Пруссію, принадлежащую въ то время Польшѣ. Поэтому польскіе сенаторы первые прислали русскимъ боярамъ предложеніе о мирѣ. Тогда изъ Москвы отправлены были въ мартѣ 1634 года боярин Ѳедоръ Шереметевъ и Алексѣй Львовъ-Ярославскіїї. Они съѣхались съ польскими комиссарами, хелминскимъ епископомъ Яковомъ Жадикомъ и другими панами, на рѣчкѣ Поляновкѣ. Переговоры затянулись до 4 іюня. Поляки хотѣли сорвать съ Московскаго Государства 100.000 рублеїї за отказъ Владислава отъ царскаго титула. Московскіе послы долго упирались, наконецъ, согласились дать 20,000 рублеїї. На этоїї суммѣ и порѣшили. Обѣ стороны согласились заключить «вѣчныїї миръ». Поляки добивались самаго тѣснаго союза, предлагали проектъ, чтобы по смерти короля избраніе совершалось вмѣстѣ съ чинами Московскаго Государства, чтобы царь былъ избранъ польскимъ королемъ и, въ знакъ совершеннаго равенства, короновался отдѣльно въ Москвѣ и Польшѣ, но такъ, чтобы польскіїї посолъ возлагалъ на царя въ Москвѣ корону московскую, а московскіїї въ Польшѣ — польскую, наконецъ, чтобы царь, для соблюденія равенства между его державами, жилъ поперемѣнно по году въ Москвѣ, Польшѣ и Литвѣ. Московскіе послы отклонили эти предложенія. Поляки просили дозволить строить въ Московскомъ Государствѣ костелы, подданнымъ обоихъ государствъ вступать между собою въ бракъ и пріобрѣтать вотчины полякамъ въ Московскомъ Государствѣ, а русскимъ — въ Польшѣ. Московскіе послы наотрѣзъ отказали, поняви, вѣроятно, что поляки этими путями хотѣли всосаться въ московскую Русь, и мало-по-малу пріобрѣсть тамъ нравственное господство, какъ это сдѣлалось въ западноїї Руси. Составили договоръ, по которому царь уступалъ Польшѣ навсегда земли, находящіяся у

Поляковъ по Деулинскому договору[1]). Обѣ стороны постановили не помогать врагамъ которой-либо изъ двухъ державъ, рѣшили дозволить свободную торговлю въ обоихъ государствахъ, выпустить обратно всѣхъ плѣнныхъ и впередъ выдавать бѣглыхъ преступниковъ. Польскій король признавалъ Михаила Ѳеодоровича царемъ и братомъ[2]).

Государи самолично подкрѣпили этотъ миръ; польскіе послы прибыли въ Москву въ началѣ февраля 1635 года. Имъ былъ сдѣланъ торжественный пріемъ, сообразно обычаямъ того времени. Сначала послы въ Грановитой палатѣ представлялись царю, который сидѣлъ на тронѣ въ царскомъ нарядѣ и вѣнцѣ; по бокамъ трона стояли рынды въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, бѣлыхъ

---

[1]) Черниговскую землю съ городами: Черниговомъ и Новгородомъ-Сѣверскомъ уступали собственно Польшѣ, а Смоленскую съ городами: Смоленскъ, Рославлемъ, Бѣлою, Трубчевскомъ, Невелемъ, Сѣбежемъ, Стародубомъ и др. — Литвѣ.

[2]) Для предостереженія на будущія времена поляки домогались чтобы Михаилъ Ѳеодоровичъ не писался царемъ «всея Руси», а только «своея Руси», на томъ основаніи, что часть Руси находится подъ польскимъ владѣніемъ. Московскіе послы уперлись и заставили поляковъ отказаться отъ этого требованія. Поляки легкомысленно сами требовали, чтобы московскій царь ежегодно давалъ запорожскимъ казакамъ жалованье, не предвидя того, что такія дружелюбныя отношенія Московскаго Государства къ запорожскимъ казакамъ приведутъ черезъ двадцать лѣтъ къ роковымъ послѣдствіямъ для Польши. Какъ черты различія въ понятіяхъ двухъ народовъ можно привести нѣкоторыя частности этихъ переговоровъ. Поляки хотѣли, чтобы миръ утвержденъ былъ присягою всѣхъ чиновъ Московскаго Государства. «Это дѣло нестаточное, — отвѣчали послы, — мы холопи государя нашего и во всей его царской волѣ». По заключеніи договора поляки сказали: «мы такое великое и славное дѣло совершили, чего прежніе государи никакъ сдѣлать не могли. Для вѣчнаго воспоминанія на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли наши шатры, нужно насыпать два кургана и поставить два каменныхъ столба, и на нихъ написать имена государей нашихъ, годъ и мѣсяцъ и имена пословъ, совершившихъ такое великое дѣло». Шереметевъ отвѣчалъ: «У насъ такихъ обычаевъ не повелось, да и дѣлать этого не зачѣмъ: все сдѣлалось волею Божіею съ повелѣнія нашихъ великихъ государей и записано на память въ посольскихъ книгахъ». Царь похвалилъ за это Шереметева и прибавилъ съ своей стороны, что «доброе дѣло совершилось по волѣ Божіей, а не для столповъ и бугровъ бездушныхъ».

сапогахъ, въ рысьихъ шапкахъ, съ топорами на плечахъ и золотыми цѣпями на груди. Пословъ допустили къ цѣлованію царской руки[1]) и затѣмъ окольничій явилъ ихъ подарки. Въ другой день пословъ позвали въ отвѣтную палату на докончаніе. Обрядъ этотъ происходилъ такимъ образомъ; сначала послы говорили съ боярами въ отвѣтной палатѣ и читали договоръ; затѣмъ ихъ позвали къ царю въ золотую палату. Царь былъ въ полномъ царскомъ облаченіи. По его приказанію, царскій духовникъ принесъ изъ Благовѣщенскаго собора животворящій крестъ на золотой мисѣ, подъ пеленою. Царь велѣлъ спросить пословъ о здравіи и приказалъ сѣсть. Немного погодя, царскій печатникъ приказалъ посламъ и боярамъ подойти поближе. Царь всталъ; съ него сняли вѣнецъ, взяли у него скипертъ. Утвержденную грамоту положили подъ крестъ; царь приложился ко кресту, велѣлъ печатнику отдать грамоту посламъ и отпустилъ ихъ. Въ концѣ марта пословъ пригласили къ царскому столу въ Грановитой палатѣ. Царь сидѣлъ за особымъ серебрянымъ столомъ, въ нагольной шубѣ съ кружевомъ и въ шапкѣ. Бояре и окольничіе сидѣли въ нагольныхъ шубахъ и черныхъ шапкахъ, дворяне въ чистыхъ охабняхъ. Для пословъ былъ особый столъ. У столовъ: царскаго, боярскаго и посольскаго были особые поставцы съ посудою, которыми завѣдывали во время пировъ придворные по назначенію. Дворецкій, крайчій, чашники и стольники, разносившіе кушанье и напитки, были въ золотомъ платьѣ и высокихъ горлатныхъ шапкахъ. Царь, по обычаю, послалъ посламъ со своего стола подачи. Подали красный медъ. Государь всталъ и сказалъ посламъ: «Пью за здоровье брата моего, государя вашего, Владислава короля». Затѣмъ царь посылалъ посламъ въ золотыхъ братинахъ пиво, и послы, принявъ чашу, вставали съ своихъ мѣстъ, пили и опять садились за столъ.

Дня черезъ два польскихъ пословъ послѣ царскаго стола отпустили домой.

---

[1]) По русскому обычаю, царь, давши поцѣловать руку иновѣрцамъ, тотчасъ же умывалъ руки изъ стоявшаго тутъ рукомойника съ полотенцемъ. Обычай этотъ сильно не нравился иноземцамъ и оскорблялъ ихъ.

Въ томъ же году 23 апрѣля, въ присутствіи московскаго посла князя Алексѣя Львова-Ярославскаго, король съ шестью сенаторами присягнулъ въ костелѣ на храненіе договора, а затѣмъ далъ посламъ веселый пиръ, за которымъ пилъ за здоровье брата своего, царя московскаго. Великолѣпная иллюминація заключила это празднество.

Въ 1634 году пріѣзжало въ Москву голштинское посольство, описанное извѣстнымъ Олеаріемъ, оставившимъ подробное и драгоцѣнное путешествіе по тогдашней Россіи. Царь дозволилъ голштинскимъ купцамъ торговать съ Персіею на десять лѣтъ, съ платежомъ въ казну 600.000 ефимковъ, считая въ фунтѣ по 14 ефимковъ[1]). Вообще, по окончаніи польской войны возрастало сближеніе Московскаго Государства съ иностранцами. Правительство приглашало знающихъ иностранцевъ для разныхъ полезныхъ учрежденій. Такъ, въ 1634 году переводчикъ Захарія Николаевъ отправленъ былъ въ Германію для найма мастеровъ мѣдноплавильнаго дѣла. Иноземецъ Фимбрандтъ получилъ на десять лѣтъ привилегію поставить въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, гдѣ придется, но вдали отъ распашныхъ полей, мельницы и сушилы для выдѣлки лосиныхъ кожъ, причемъ запрещалось всѣмъ другимъ торговать этими предметами. Другой иноземецъ, шведъ Коэтъ, получилъ право устроить стеклянный заводъ близъ Москвы. Въ 1644 году гамбуржцу Марселису съ дѣтьми (получившему еще въ 1638 году право на оптовую торговлю на сѣверѣ государства и въ Москвѣ), и голландцу Филимону Акему позволено устроить по р. р. Шексѣ, Костромѣ и Вагѣ и въ другихъ мѣстахъ желѣзные заводы съ правомъ безпошлинной продажи издѣлій, на 20 лѣтъ, внутри и внѣ государства.

---

[1]) Компанія голштинскихъ купцовъ имѣла право возить безпошлинно свои товары въ Персію, но не развязывая ихъ въ Россіи, а изъ Персіи привозить сырой шелкъ, драгоцѣнныя краски и другіе товары, исключая тѣхъ, которые предоставлены были русскимъ торговцамъ, а именно: разныя ткани, крашеный шелкъ, хлопчатую бумагу, ковры, доспѣхи, клинки, шатры, нашивки, пояса, ладанъ и всякіе москатильные товары. Главнымъ предметомъ торговли голштинцевъ были краски.

По свидѣтельству Олеарія, въ то время въ Москвѣ жило много иноземцевъ и въ томъ числѣ 1.000 протестантскихъ семействъ. Они сначала невозбранно селились въ Москвѣ, повсюду ставили на своихъ дворахъ молитвенные дома (кирки), закупали у русскихъ дворовыя мѣста по хорошей цѣнѣ; но противъ этого вооружились священники въ тѣхъ видахъ, что сближеніе русскихъ съ нѣмцами вредно дѣйствуетъ на религіозность русскихъ. По такимъ соображеніямъ было запрещено нѣмцамъ покупать и брать въ закладъ дворы и велѣно сломать кирки, которыя нѣмцы завели близъ русскихъ церквей. Вмѣсто этого въ Москвѣ отведено имъ было особое мѣсто подъ кирку. Около царя были иноземцы, доктора, аптекари, окулистъ, алхимистъ, лекари, переводчики, часовыхъ и органныхъ дѣлъ мастера [1]) — всѣ подъ вѣдомствомъ аптекарскаго приказа. Имъ давалось жалованье деньгами или мѣхами; кромѣ того, они получали извѣстное количество пива, вина, меда, овса и сѣна. Лекареи посылали иногда для леченія ратныхъ людей. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ сознавалъ пользу науки, какъ видно изъ его желанія пригласить на службу Адама Олеарія, о которомъ царю «извѣстно учинилось, что онъ гораздо наученъ и извыченъ астрономіи и географусъ и небеснаго круга и землемѣрію и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ великому государю такой мастеръ и годенъ». Михаилъ Ѳеодоровичъ вообще интересовался географіей и велѣлъ сдѣлать дополненіе и объясненіе къ картѣ Московскаго Государства, составленной по приказу Бориса Годунова, извѣстной подъ названіемъ: «Большой чертежъ Русской земли» [2]). Иноземные солдаты съ этихъ поръ соста-

---

[1]) Царь повидимому особенно любилъ часы, такъ какъ во время торжественныхъ обѣдовъ возлѣ него всегда стояло двое часовъ. Органный мастеръ Мельхартъ доставилъ ему двухъ часовыхъ дѣлъ мастеровъ, которые обязались выучить русскихъ своему мастерству. Мельхартъ сдѣлалъ такой искусный органъ, что какъ онъ заиграетъ, то запоютъ сдѣланныя на немъ птицы, соловей и кукушка. Царю очень понравилась такая выдумка и онъ подарилъ мастеру 2,676 рублей.

[2]) Сношеніе съ восточными народами указало царю на необходимость людей, знакомыхъ съ восточными языками; и съ

влялп уже неизмѣнную принадлежность русскаго войска: они вели себя дурно и дѣлали разныя насильства жителямъ. Правительство хлопотало о пріѣздѣ въ Россію иноземныхъ какъ служилыхъ, такъ и торговыхъ людей. Русскіе купцы съ неохотою смотрѣли на такой наплывъ торговавшихъ иноземцевъ. Еще въ 1632 году псковичи просили государя, чтобы нѣмцамъ запретили торговать во Псковѣ, но ихъ просьбу не уважили. Подобныя челобитныя подавались и отъ другихъ городовъ; роптали на иноземныхъ купцовъ, которые ѣздили по всему государству въ силу жалованныхъ грамотъ, повсюду торговали, а при этомъ вели тайно безпошлинную торговлю такіе иноземные купцы, которые и не имѣли жалованныхъ грамотъ. Русскимъ торговцамъ дѣлался подрывъ.

Позволяя иноземцамъ торговать по государству съ большими льготами, правительство старалось забирать, по возможности, разные предметы торговли исключительно въ свои руки, въ ущербъ русскимъ торговцамъ. Въ 1635 году правительство взяло себѣ монополію торговли льномъ, и прислало изъ Москвы гостя скупать въ Псковѣ ленъ по тоіі цѣнѣ, какая была указана въ Москвѣ. «Тогда — говоритъ современный лѣтописецъ — было много насилія и грабежа; деньги даютъ дурныя, цѣна невольная, купля нелюбовная, и во всемъ скорбь великая, вражда несказанная, ни купить, ни продать никто не смѣетъ мимо гостя, присланнаго изъ Москвы». Подобное дѣлалось въ 1642 году по производству селитры, присвоенному себѣ казною. Посланный для этоіі цѣли Андреіі Ступишинъ покупалъ для селитры золу и не додавалъ за нее денегъ да еще, столкнувшись съ таможенными откупщиками, задерживалъ крестьянъ, привозившихъ золу, придирался къ нимъ подъ разными предлогами; сажалъ въ тюрьму и билъ на правежѣ.

Разныя городскія занятія подвергались отдачѣ на откупъ въ пользу казны. Въ томъ же Псковѣ, напримѣръ, гдѣ казенная торговля льномъ возбуждала такія

этой цѣлью въ 1644 году велѣно было послать подъячаго Полуэкта Звѣрева въ Астрахань для обученія арабскому, татарскому и персидскому языкамъ и грамотѣ на бухарскомъ дворѣ.

жалобы — квасники, дегтяры, извозчики и байники (банщики) были на откупу и притомъ съ торговъ — съ наддачею. Иногда и монастыри брали казенные откупы[1]). На откупъ отъ казны отдавались сборы на мостахъ и перевозахъ. Это были тяжелые для народа сборы. Откупщики брали лишнее противъ того, что имъ слѣдовало брать по грамотѣ. Правительство приказывало такихъ откупщиковъ бить кнутомъ, но услѣдить ихъ было трудно, особенно когда воеводы, наблюдавшіе надъ ними, брали съ нихъ взятки и покрывали ихъ злоупотребленія. Подражая правительству, нѣкоторые частные владѣльцы на своихъ земляхъ заводили мосты и мостовщины и отдавали на откупъ. Хотя правительство и запретило имъ такіе сборы подъ страхомъ пени въ пятьдесятъ рублей, но видно запрещеніе это дѣйствовало плохо; такія самовольныя, стѣснительныя для народа учрежденія существовали и по смерти Михаила Ѳеодоровича.

Правительство пыталось производить поиски руды, съ цѣлью обратить найденное въ свою пользу. Въ Соликамскѣ начали добывать мѣдную руду; работали русскіе мастера плавильщики, а имъ приданы были сосланные дѣлатели фальшивой монеты (денежные воры). Дѣло шло неудачно: заводы были плохо устроены, мастера были неумѣлые, а между тѣмъ этотъ новый промыселъ тотчасъ же палъ тягостію на народъ, какъ всякое казенное предпріятіе, потому что для народа, по этому поводу, являлись новыя повинности, какъ, напр., возка лѣсу и т. п.

Попрежнему, и въ эти годы правительство старалось объ удержаніи жителей на своихъ мѣстахъ, гонялось за бѣглыми, водворяло на прежнихъ мѣстахъ жительства. Въ случаѣ вторичнаго побѣга, виновныхъ стали теперь ссылать въ сибирскіе города. Крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, все болѣе теряли свои свободные права; управленіе вотчинными и помѣщичьими крестьянами не было опредѣлено яснымъ закономъ,

---

*) Такъ Спасо-евѳиміевскій монастырь откупилъ въ Ковровѣ таможенную ярмарочную пошлину.

а подчинялись только обычаямъ. У нѣкоторыхъ владѣльцевъ были въ крестьянскихъ обществахъ выборные старосты, у другихъ одни приказчики; крестьяне обрабатывали владѣльческое поле, называемое пашнею, ранѣе своего поля, и кромѣ того были обложены разными мелкими поборами. Изъ раздѣльныхъ актовъ того времени видно, что крестьяне дѣлились между наслѣдниками, какъ всякое другое имущество, и не имѣли права продавать въ чужую вотчину своихъ дворовъ, лавокъ и угодій. Владѣльцы, вмѣсто себя, стали посылать на правежъ своихъ крестьянъ и ничѣмъ неповинныхъ крестьянъ били, вымучивая съ нихъ долги ихъ господъ. Безпрестанные побѣги показываютъ, что крестьяне владѣльческіе были недовольны своимъ положеніемъ, особенно у небогатыхъ владѣльцевъ. Они во множествѣ уходили подъ покровительство монастырей или сильныхъ господъ. Дворяне и дѣти боярскіе жаловались, что ихъ крестьяне и холопы, убѣгая отъ нихъ въ монастырскія имѣнія, приходятъ назадъ и подговариваютъ другихъ крестьянъ и холопей къ побѣгу, а иногда и сожигаютъ владѣльческія усадьбы. Разбои усилились. Для доставленія казенныхъ денегъ или товаровъ съ мѣста на мѣсто оказывалось необходимымъ посылать для сопровожденія ратныхъ людей. Нѣсколько разъ правительство дѣлало особыя распоряженія противъ разбойничьихъ шаекъ. Въ окрестностяхъ Шуи, Суздаля, Костромы свирѣпствовалъ атаманъ Толстой съ товарищами: губнымъ старостамъ приказано было набирать людей и идти противъ разбойниковъ съ ратнымъ боемъ; Толстой былъ пойманъ, но товарищи его еще долго бушевали, и въ 1637 году преступниковъ по разбойнымъ дѣламъ, содержавшихся въ тюрьмахъ, было такъ много, что потребовался особый денежный сборъ на ихъ содержаніе. Съ этого времени разбойниковъ стали ссылать въ Сибирь. Въ этомъ же году распространилось дѣланіе фальшивой монеты. До того времени «денежныхъ воровъ» били кнутомъ, а съ 1637 года возобновили старый обычай заливать горло растопленнымъ оловомъ, хотя по царской волѣ эта казнь иногда замѣнялась ссылкою на казенныя работы. Пьянство, покровительствуемое пра-

вительствомъ, какъ источникъ доходовъ, способствовало шатанію съ мѣста на мѣсто, умноженію преступленій и вредно дѣйствовало на народное хозяйство. Какъ только случалась засуха, такъ народъ, пропившій все, что у него оставалось за ежедневными потребностями, не думавшій заранѣе подготовить себѣ запасы, терпѣлъ голодъ. Такое бѣдствіе, вмѣстѣ съ скотскимъ падежомъ, постигло Россію въ 1643 году, и правительство предпринимало только одну мѣру — всеобщее молебствіе о дождѣ.

Злоупотребленія со стороны воеводъ продолжались попрежнему; а жалобы со стороны народа были часто не безопасны и навлекали на народъ новыя бѣдствія. Поступитъ на воеводу къ царю челобитная, пошлется по этой челобитной слѣдователь: онъ запутаетъ жителей въ дѣло: начнутся правежи, сажаніе въ тюрьму и всякаго рода притѣсненія[1]).

Строже всякихъ злоупотребленій по управленію верховная власть наказывала малѣйшій, хотя бы не преднамѣренный, недостатокъ уваженія къ царской особѣ. Въ 1641 году кузнецкій подъячій, въ отпискѣ отъ имени воеводы о посылкѣ мѣховъ, сдѣлалъ какую-то незначительную описку въ царскомъ титулѣ. Подъячаго за это велѣно было высѣчь батогами, заключить на недѣлю въ тюрьму и отставить отъ службы, а самъ воевода за недосмотръ получилъ строгій выговоръ.

Въ видахъ защиты государства, правительство старалось удержать служилыхъ людей въ своемъ званіи, чтобы всегда имѣть готовую силу. Съ этою цѣлью въ 1640 году запрещено вступать въ холопы не только дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, находившимся на службѣ, но и родственникамъ ихъ, еще не верстаннымъ въ службу, и такимъ образомъ этому сословію пресѣченъ былъ путь терять свои права по рожденію и поступать въ рабское состояніе. Убѣгая отъ тяжести военной службы, служилые люди женились на крѣпостныхъ женщинахъ, но теперь такихъ велѣно было возвращать въ служилое

---

[1])Такъ было въ Чердыни въ 1639 году по поводу челобитной на воеводу Христофора Рыльскаго.

сословіе и давать имъ помѣстья. Такъ уничтожился древнѣйшій русскій обычай, по которому женившійся на рабѣ самъ становился рабомъ.

Опасность набѣговъ татаръ вызывала необходимость постройки новыхъ городовъ на югѣ Россіи и укрѣпленія старыхъ. Дѣятельность этого рода замѣтно усиливается съ 1635 года. Въ этомъ году былъ построенъ Тамбовъ (Танбовъ). По царскому приказанію велѣно набрать служилыхъ людей на житье въ этотъ городъ изъ Москвы, а также изъ нѣкоторыхъ южныхъ городовъ. Самыя дѣятельныя мѣры къ оборонѣ юга происходили въ 1637—38 г. г. Въ предшествовавшіе годы татары дѣлали нѣсколько набѣговъ, съ одной стороны на рязскія, рязанскія и шацкія, а съ другой — на ливенскія, елецкія, чернскія, новосильскія и мценскія мѣста, перебили многихъ людей, жгли селенія и подгородныя слободы, погнали множество плѣнныхъ обоего пола и всякаго возраста. Отъ этого край терялъ населеніе, служилые не имѣли средствъ къ пропитанію себя и лошадей; бѣдствіе это вызывало потребность постройки городовъ. Для этой цѣли еще въ 1636 году построенъ городъ Козловъ; велѣно копать земляной валъ отъ этого города, а на валу ставить земляные городки съ «подлазами» (земляными потаенными ходами). Два городка были поставлены на рѣкѣ Соснѣ. Въ 1637 году поставлены были Верхній и Нижній Ломовъ. Всего болѣе обращено было вниманіе на устройство городковъ и остроговъ въ западной части украинскихъ земель, по рѣкамъ: Соснѣ, Осколу, по сосѣдству съ Бѣлградомъ и Курскомъ. Тамъ пролегало три пути въ Крымъ: одинъ восточный (черезъ нынѣшнюю Воронежскую губернію), называемый «калміускимъ шляхомъ» или «калміуской сакмою»: другой — западный, называемый «изюмской сакмою»; третій, «муравскій шляхъ», лежалъ еще западнѣе, черезъ рѣку Ворсклу. Положили устроить на этихъ путяхъ жилые города и «стоялые» острожки (т. е. такіе, гдѣ не было постоянныхъ жителей, а куда отправлялись, по очереди, на временное пребываніе служилые люди). Наибольшее вниманіе обращено было на рѣку Сосну. Отъ новопостроенныхъ городковъ копали валы, укрѣпляли ихъ въ

разныхъ мѣстахъ стоялыми острожками; а на рѣкахъ, гдѣ были броды и перелазы и гдѣ обыкновенно переходили набѣгавшіе на Русь татары, подѣлали засѣки, вбивали сваи и дубовый «честикъ» (для порчи лошадиныхъ ногъ). На издержки для устройства этихъ городовъ правительство назначило особый поборъ со всѣхъ тяглыхъ дворцовыхъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ земель — по 10 алтынъ съ чети пашенной земли, а съ нѣкоторыхъ — по 20 алт., исключая тѣхъ городовъ, которые числились въ казанскомъ приказѣ и приказѣ большого дворца. Начали поправлять и возстановлять прежде существовавшіе украинные города, копать рвы, дѣлать лѣсные засѣки; для этого учредили особыхъ «засѣчныхъ» головъ и приказчиковъ, заправлявшихъ работами. На работу посылали ратныхъ людей, а также и сошныхъ, собранныхъ изъ селъ и деревень (съ трехъ дворовъ по человѣку съ ближнихъ, а съ пяти дворовъ по человѣку съ дальнихъ).

Донцы убили ѣхавшаго въ Москву турецкаго посланника Кантакузина, а 18 іюня 1637 года взяли у турокъ Азовъ. Они извѣстили объ этомъ царя и объявили, что начали войну для освобожденія множества христіанскихъ плѣнныхъ. Царь сдѣлалъ выговоръ, однако не велѣлъ отдавать Азова и приказалъ казакамъ охранять границу отъ татарскихъ набѣговъ, которые должны были послѣдовать за казацкимъ нападеніемъ. Какъ ожидали, такъ и случилось: крымскій царевичъ Сафа-Гирей сдѣлалъ набѣгъ въ украинныя мѣста; онъ извѣстилъ царя, что это мщеніе за взятіе Азова казаками, и угрожалъ новымъ нашествіемъ весною. Тогда, въ видахъ защиты отечества, царь созвалъ соборъ всѣхъ чиновъ людей, и этотъ соборъ приговорилъ взять даточныхъ людей съ монастырскихъ имѣній, съ 10 дворовъ по человѣку, а съ вотчинъ и помѣстій — съ 20 дворовъ по человѣку. (На слѣдующій годъ съ церковныхъ имѣній поставка даточныхъ людей была замѣнена деньгами).

Набѣги повторялись. Однако, татары встрѣчали отпоръ и сами попадались въ плѣнъ: царь приказывалъ содержать плѣнныхъ по монастырямъ въ оковахъ и гонять на работы. Но все-таки русскихъ попадалось гораздо больше въ плѣнъ татарамъ: ихъ содержали въ Кры-

му «въ мукахъ и тѣснотѣ» и угрожали распродать въ разныя земли, такъ что въ началѣ 1641 года царь назначилъ особый сборъ пожертвованій по своему государству на выкупъ русскихъ плѣнныхъ. Азовъ остался за казаками. Въ іюнѣ того же года явились турки на корабляхъ со множествомъ стѣнобитныхъ пушекъ. Съ ними были татарскія полчища и самъ крымскій ханъ. Ни пушечные выстрѣлы, ни подземные подкопы, ни копаніе рвовъ съ цѣлью засыпать осажденныхъ землею не помогли туркамъ. Они думали взять городъ измѣною и пускали въ Азовъ записки съ предложеніемъ большихъ денегъ за измѣну — и это не удалось. Казаки сидѣли въ осадѣ съ 7 іюня по 26 сентября. Турки почти разрушили Азовъ своими выстрѣлами, но съ казаками не могли ничего подѣлать и удалились. Царь послалъ донскому атаману Осипу Петрову и всему воїску похвальную грамоту.

Теперь предстоялъ важный вопросъ: донцы просили государя принять подъ свою власть Азовъ. Но принять его значило отважиться на воїну съ турками и татарами. Въ случаѣ успѣха выгоды отъ этой воїны были бы очень велики. Можно было бы оградить южныя области государства отъ татарскихъ набѣговъ, можно было бы и возобновить предпріятіе овладѣть Крымомъ, нѣкогда начатое при Грозномъ по внушенію Вишневецкаго и не доведенное до конца.

Въ январѣ 1642 года былъ опять созванъ соборъ. Члены его были выбраны изъ «лучшихъ, середнихъ и молодшихъ» людей всѣхъ чиновъ, «добрыхъ и умныхъ, съ кѣмъ о томъ дѣлѣ говорить можно»[1]). Соборъ собрался въ Столовой Избѣ. Думный дьякъ Лихачевъ изложилъ дѣло объ Азовѣ, извѣстилъ, что идетъ въ Москву посолъ турецкій и нужно дать ему отвѣтъ; наконецъ, задалъ собору такіе вопросы: воевать ли съ султаномъ или мириться и отдать Азовъ? Если воевать, то воїна протянется не одинъ годъ: нужны будутъ деньги и люди не одинъ годъ. Гдѣ ихъ взять? Эти вопросы были за-

[1]) Выборъ сдѣланъ былъ неравно: изъ большихъ статей отъ двадцати до семи человѣкъ, а изъ немногихъ людей отъ пяти до двухъ.

писаны и розданы выборнымъ людямъ; и они должны были отвѣчать письменно.

Духовные отвѣчали, что ратное дѣло подлежитъ разсмотрѣнію царя, бояръ и думныхъ людей; ихъ же дѣло Бога молить, а помогать будутъ по мѣрѣ силъ, если настанетъ война.

Стольники отвѣчали, что государь воленъ разрывать миръ или не разрывать съ турками, но ихъ мысль, чтобы государь велѣлъ донцамъ быть въ Азовѣ и дать имъ въ прибавку ратныхъ людей изъ охочихъ и вольныхъ людей; а запасы и деньги слѣдуетъ взять тамъ, гдѣ царь укажетъ.

Московскіе дворяне отвѣчали то же, что и стольники, и совѣтовали только взять охочихъ людей изъ украинныхъ городовъ, такъ какъ послѣднимъ этого рода служба за обычай.

Никита Беклемишевъ и Тимоѳей Желябужскій подали особое, обстоятельно изложенное, мнѣніе. Они напоминали, что крымскій царь всегда обманывалъ русскихъ и нарушалъ договоры, крымцы дѣлаютъ нападенія и уводятъ людей въ плѣнъ; во время войны съ поляками крымскій ханъ послалъ царевичей разорять украинные города, а отъ этого украинные люди изъ-подъ Смоленска отъѣхали; поэтому лучше, чѣмъ платить крымскому царю, употребить деньги на ратныхъ людей. По ихъ мнѣнію, на подмогу казакамъ должно послать охочихъ вольныхъ людей, которымъ быть въ Азовѣ подъ начальствомъ атамановъ, а московскихъ воеводъ туда не посылать, потому что казаки — люди своевольные и слушать ихъ не станутъ. Въ украинные же города послать для береженія даточныхъ людей. Если у государя денегъ не станетъ, то сдѣлать сборъ со всѣхъ, кромѣ служилыхъ, въ войскѣ находящихся, и поручить это дѣло добрымъ людямъ всякихъ чиновъ, выбравъ человѣка по два и по три, которые бы всѣмъ людямъ правду оказали и наблюдали разницу между многоземельными и малоземельными, такъ какъ послѣднимъ за первыми «не стянути». Они указали на важность Азова въ томъ отношеніи, что когда Азовъ будетъ за Россіею, то со-

сѣдшія татарскія орды и кавказскіе горцы станутъ служить государю.

Стрѣлецкіе головы и сотенные во всемъ положились на государеву волю. Такъ же отнеслись къ этому дѣлу дворяне и дѣти боярскіе нижегородскіе, муромскіе, лушане (изъ Луха). Владимірскіе дворяне и дѣти боярскіе замѣтили, что государю и боярамъ извѣстна бѣдность ихъ города. Дворяне и дѣти боярскіе другихъ городовъ заявляли себя за войну. Они видѣли указаніе Божіе въ томъ, что казаки отсидѣлись отъ турокъ. «Если не изволишь, государь, — говорили они, — принять Азова, и Азовъ будетъ у бусурманъ и образъ великаго крестителя Господня, — не навесть бы черезъ то на всероссійское государство гнѣва Божія и великаго свѣтильника и вышняго въ пророцѣхъ крестителя Господня Іоанна Предтечи и великаго святителя Николы!»

Дворяне и дѣти боярскіе сѣверныхъ уѣздовъ (Суздаля, Юрьева-Польскаго, Переяславля-Залѣсскаго, Бѣлой, Костромы, Смоленска, Галича, Арзамаса, В. Новгорода, Ржева, Зубцова, Торопца, Ростова, Пошехонья, Новаго- Торга, Гороховца) между прочимъ указывали на бояръ и ближнихъ людей, надѣленныхъ помѣстьями и вотчинами, и разразились обличительными замѣчаніями на счетъ дьяковъ, церковныхъ властей и богатыхъ дворянъ ихъ же братіи, указывая на ихъ богатство, какъ на источникъ доходовъ для веденія славной войны. «Твои государевы дьяки и подъячіе пожалованы твоимъ государевымъ денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями, вотчинами; будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ, они обогатѣли многимъ неправеднымъ богатствомъ, собраннымъ мздоимствомъ, покупали себѣ вотчины, состроили каменныя несдобосказаемыя палаты, какихъ при прежнихъ государяхъ не бывало. Вели, государь, взять съ ихъ помѣстій и вотчинъ ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей и обложить ихъ домы и лавки деньгами на жалованье ратнымъ людямъ»... Они указывали на владычныя и монастырскія имѣнія, говорили, что нужно собрать съ нихъ даточныхъ людей и прибавили, что если кто утайтъ число принадлежащихъ имъ крестьянамъ, то съ тѣми за то поступить по закону,

а утаенныхъ крестьянъ отобрать на государя. Не пощадили дворяне и дѣти боярскіе сѣверныхъ городовъ и своихъ братій, служившихъ въ разныхъ должностяхъ. «Нѣкоторые наши братья,—говорили они.—не хотя тебѣ государю служить, записывались въ монастырскій списокъ и въ разные государевы чины, будучи въ городахъ у твоихъ государевыхъ дѣлъ, ожирѣли и обогатѣли и на свое богатство накупили себѣ вотчинъ: а дворовые твои государевы люди всякихъ чиновъ пожалованы помѣстьями и вотчинами, получаютъ ежегодно денежное жалованье черезъ годъ и черезъ два посылаются приказчиками въ дворцовыя села, наживаютъ себѣ большія пожитки, а полковой службы не служатъ. Вели, государь, съ нихъ со всѣхъ взять даточныхъ людей, а съ ихъ пожитковъ деньги». Они совѣтовали набрать стрѣльцовъ и солдатъ во всемъ государствѣ изъ охочихъ людей, но только не изъ крѣпостныхъ и старинныхъ холопей, принадлежащихъ имъ, дворянамъ, и себя самихъ выставляли разоренными, безпомощными, безпомѣстными, пустомѣстными и маломѣстными. Въ заключеніе они совѣтовали взять для такого важнаго дѣла лежачую домовую казну у патріарха, митрополитовъ, архіереевъ и монастырей, и обложить всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ людей, смотря по ихъ состоянію. «Вели, государь—прибавляли они,—счесть, по приходнымъ книгамъ всѣхъ приказныхъ государевыхъ людей, дьяковъ, подъячихъ и таможенныхъ головъ, въ Москвѣ и въ городахъ, чтобы твоя государева казна безъ вѣдомости у тебя не терялась; а деньги на жалованье ратнымъ людямъ вели собрать гостямъ и земскимъ людямъ. Вели, государь, быть на службѣ противъ нечестивыхъ бусурманъ всѣмъ тѣмъ, которые сидятъ въ городахъ на воеводствахъ и у приказныхъ дѣлъ, чтобы вся твоя государева земля была готова противъ нашествія нечестивыхъ бусурманъ. Вотъ наша, холопей твоихъ, мысль и сказка».

Дворяне южныхъ городовъ (Мещеры, Коломны, Тулы, Каширы, Алексина, Торусы, Серпухова, Калуги, Бѣлева, Козельска, Лихвина, Серпейска, Мещовска, Воротынска, Медыни, Малоярославца, Боровска, Болхова,

Мценска, Ряжска, Кадачева) подали сказку почти въ томъ же духѣ, какъ и предыдущая, но совѣтывали брать подати на войну не по писцовымъ книгамъ, а по числу крестьянскихъ дворовъ: у кого изъ служащихъ болѣе пятидесяти крестьянъ, — съ тѣхъ брать деньги и запасы, а кто имѣетъ пятьдесятъ крестьянъ — тотъ самъ долженъ идти. Что касается до нихъ самихъ, то они выразились такъ: «Мы, холопи твои, пуще, чѣмъ отъ турскихъ и крымскихъ бусурмановъ, разорены отъ московской волокиты, неправды и неправедныхъ судовъ»... За всѣмъ тѣмъ, эти дворяне находили, что Азовъ нужно непремѣнно принять и стоять за него крѣпко, потому что наган, кочующіе недалеко отъ Азова, будутъ служить тому, за кѣмъ будетъ Азовъ.

Служилые люди стояли за войну, но сказка гостей и торговыхъ людей не выражала этого желанія. Отвѣтъ ихъ носитъ обличительный характеръ и составляетъ важный современный источникъ для исторіи быта и положенія торговаго класса. Полагаясь на волю государя, они говорили такъ: «судить объ устройствѣ ратныхъ людей и о запасахъ есть дѣло служилыхъ, за которыми твое государево жалованье, вотчины и помѣстья, а мы, торговые людишки, питаемся въ городахъ своими промыслишками; за нами вотчинъ и помѣстій нѣтъ. Службы твои, государевы, мы служимъ на Москвѣ и въ городахъ безпрестанно, и отъ этихъ службъ, да отъ пятинныхъ денегъ, что мы давали въ смоленскую службу ратнымъ и служилымъ людямъ на подмогу, много оскудѣли и обнищали до конца. Мы, будучи на твоихъ государевыхъ службахъ въ Москвѣ и городахъ, собирали твою государеву казну за крестьянъ цѣлованіемъ съ большою прибылью; гдѣ при прежнихъ государяхъ, да и при тебѣ, государѣ, собирались сотъ по пяти, по шести, тамъ собирается нынѣ съ насъ и со всей земли нами же тысячъ по пяти, по шести и болѣе. Торжишки наши, государь, стали гораздо худы: отняли ихъ у насъ въ Москвѣ и городахъ иноземцы, нѣмцы и кизильбашцы (персіяне), которые пріѣзжаютъ въ Москву и въ другіе города съ большими торгами и торгуютъ всякими товарами. Въ городахъ всякіе люди оскудѣли и обнищали до конца отъ

твоихъ государевыхъ воеводъ; а торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своихъ промышлишекъ, отъ воеводскихъ насильствъ и задержанія въ проѣздахъ потеряли торги свои. При прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали губные старосты, посадскіе люди судились промежъ себя сами, а воеводы посылались съ ратными людьми только въ украинные города для береженія отъ татаръ. Мы, холопы твои и сироты, просимъ милости твоей, государь, пожаловать твою государеву вотчину, возрѣть на нашу бѣдность». Затѣмъ они изъявили готовность умереть за святую вѣру и за многолѣтнее здоровье своего государя.

Наконецъ, послѣдовалъ отвѣтъ людей низшаго чина: черныхъ московскихъ сотенъ и слободъ, сотскихъ и старость отъ имени всѣхъ тяглыхъ людей. И они предоставляли государю судить о военномъ дѣлѣ, какъ ему Богъ извѣститъ, но описывали свое плачевное положеніе въ такомъ видѣ: «Мы, сироты твои, тяглые людишки, по грѣхамъ своимъ оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ, отъ поставки даточныхъ людей, отъ подводъ, что мы, сироты твои, давали тебѣ государю въ смоленскую службу, отъ поворотныхъ денегъ, отъ городового земляного дѣла, отъ великихъ государевыхъ податей и отъ разныхъ службъ въ цѣловальникахъ, которыя мы служимъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ гостями и кромѣ гостей. Всякій годъ съ насъ, сиротъ твоихъ, берутъ въ государевы приказы по ста-сорока-пяти человѣкъ въ цѣловальники; да съ насъ же берутъ человѣкъ семьдесятъ пять ярыжныхъ да извозчиковъ съ лошадьми, стоятъ безъ съѣзда безпрестанно на земскомъ дворѣ для пожарнаго случая, а мы платимъ тѣмъ цѣловальникамъ, ярыжнымъ и извозчикамъ каждый мѣсяцъ подможныя кормовыя деньги. И отъ великой бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и слободъ разбрелись разно и покидали свои дворишки».

Здѣсь какъ нельзя рѣзче выразилось различіе и противоположность между интересами и взглядами двухъ половинъ, на которыя въ государственномъ отношеніи разбивался русскій народъ — служилыхъ и неслужилыхъ или «государевыхъ холопей», и «государе-

ревыхъ сиротъ», какъ они титуловались. Первые были за войну и сознавали важность ея для государственныхъ цѣлей; вторые, не высказывались явно противъ войны, представляли только скудость средствъ для ея веденія. Но въ послѣднихъ была вся сила народнаго голоса. Правительству послѣ этого собора не оставалось ничего, какъ только поспѣшить помириться съ турками.

Въ Москву пріѣхалъ турецкій посолъ Чилибей; его приняли дружелюбно, обѣщали сдѣлать все угодное султану, и 30 апрѣля 1642 года царь послалъ Желябужскаго и Башмакова съ приказаніемъ казакамъ, чтобъ они возвратили Азовъ туркамъ, а сами вернулись въ свои курени. Въ слѣдующемъ 1643 году царь отправилъ въ Турціюословъ: Илью Данловича Милославскаго и дьяка Лазаревскаго, съ увѣреніями въ дружескомъ расположеніи и съ мѣхами для подарковъ. Посолъ, по царскому наказу, говорилъ визирю о казакахъ такъ: «Если государь вашъ велитъ въ одинъ часъ всѣхъ этихъ воровъ казаковъ побить, то царскому величеству это не будетъ досадно».... Казаки были очень раздражены, несмотря на то, что русскій посолъ, проѣзжая въ Турцію, привезъ имъ 2.000 рублей царскаго жалованья и, кромѣ того, суконъ, вина и разныхъ запасовъ. Казаки перехватили царскую грамоту, въ которой они названы ворами. Послѣ этого они грозили уйти съ Дона на Яикъ, а оттуда ходить на море и безпокоить персіянъ. Вслѣдствіе такихъ слуховъ, царь приказалъ астраханскимъ воеводамъ поставить въ Яицкомъ городкѣ ратныхъ людей и промышлять противъ казаковъ оружіемъ.

Подъ конецъ царствованія Михаила Ѳеодоровича происходило событіе съ женихомъ царской дочери, очень любопытное по отношенію къ тогдашнимъ нравамъ и понятіямъ. Царю Михаилу Ѳеодоровичу пришла мысль выдать свою дочь за какого-нибудь иностраннаго принца, пригласивъ его въ Россію. Попытка въ такомъ родѣ была не первая, какъ показываетъ судьба Магнуса при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и датскаго королевича Іоанна, умершаго при Борисѣ въ Москвѣ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ призвалъ къ себѣ довѣреннаго голландца Петра Марселиса, разспрашивалъ его и узналъ отъ него

что у датскаго короля есть сынъ, принцъ Вольдемаръ, 22 лѣтъ. По разсказамъ Петра Марселиса, онъ показался царю подходящимъ женихомъ. Царь отправилъ въ Данію Ивана Ѳомина навести о женихѣ точныя справки и подкупить живописца, чтобы снялъ съ королевича портретъ, а чтобы скрыть главную цѣль, приказалъ снять портреты съ самого короля Христіана и его сыновей. Порученіе было странное. О немъ узнали при дворѣ, и одинъ вельможа сказалъ Ѳомину: «Ты подкупаешь снять портреты съ короля и королевичей; это дѣло невозможное, потому что живописецъ долженъ стоять передъ королемъ и королевичами и глядѣть на нихъ; но государь нашъ приказалъ снять съ себя и королевичей портреты и послать царю». Однако, въ Даніи смекнули, въ чемъ дѣло, и попытались, нельзя ли извлечь пользу изъ такого расположенія царя къ датскому владѣтельному дому.

Лѣтомъ 1641 года узнали въ Москвѣ, что ѣдетъ чрезвычайное датское посольство, а въ немъ принцъ Вольдемаръ[1]) Посольству этому, однако, не оказали особаго вниманія въ Москвѣ. Оно добивалось для датской торговли важныхъ выгодъ противъ иныхъ иноземцевъ и, не получивши ихъ, въ октябрѣ того же года вернулось домой. Въ Москвѣ посмотрѣли на принца.

Весною слѣдующаго года царь отправилъ въ Данію пословъ окольничаго Проѣстева съ товарищемъ съ предложеніемъ брака королевича Вольдемара съ царскою дочерью Ириною[2]) Посолъ этотъ, объявивши о предложеніи

---

[1]) Велѣно было приставамъ на дорогѣ приглядываться и доносить, какъ обращаются члены посольства съ Вольдемаромъ и съ такимъ ли почтеніемъ, какъ съ царскимъ сыномъ; а между тѣмъ ему съ посольствомъ отведено было помѣщеніе въ домѣ думнаго дьяка Ивана Грамотина. Чтобы сдѣлать домъ думнаго дьяка сколько-нибудь приличнымъ для помѣщенія иноземцевъ, велѣно было со двора свезти навозъ и щены и посыпать пескомъ, а домъ убрать и произвести въ немъ починки.

[2]) Такъ какъ царь прежде нуждался въ портретѣ жениха, то предлагали что въ Даніи король будетъ нуждаться въ портретѣ невѣсты, но снимать портреты съ особъ женскаго пола и разсылать ихъ было не въ обычаѣ, потому что боялись порчи и колдовства; и посолъ Проѣстевъ получилъ приказаніе, въ случаѣ, если заговорятъ о портретѣ будущей невѣсты отвѣчать,

царя́, не могъ дать никакого отвѣта на вопросъ: «какіе города и земли дастъ царь своему зятю», а съ своей стороны заявилъ о необходимости королевичу креститься въ «христіанскую» вѣру, на что послѣдовалъ отказъ. Самъ королевичъ видѣлся съ послами, обошелся съ ними очень любезно и говорилъ, что поступитъ такъ, какъ велитъ ему отецъ.

Царь былъ очень недоволенъ своими послами, которые, не смѣя отступить отъ буквы наказа, не сумѣли найтись, что имъ отвѣчать на заданный вопросъ. Въ декабрѣ того же года царь выбралъ для посылки въ Копенгагенъ того же иноземца Марселиса, который ему далъ первое извѣстіе о Вольдемарѣ. Онъ поѣхалъ съ обѣщаніемъ отъ царя дать будущему царскому зятю Суздаль, Ростовъ и другіе города и предоставить ему свободу вѣроисповѣданія, какъ равно и всѣмъ пріѣхавшимъ съ нимъ людямъ.

Московская земля на западѣ Европы представлялась дикою страною и внушала страхъ. «Если, — говорили датскіе вельможи Марселису, — нашъ королевичъ туда поѣдетъ, то сдѣлается холопомъ на-вѣки, и что обѣщаютъ, того не исполнятъ. Какъ нашему королевичу ѣхать къ дикимъ людямъ!»

Ловкій Марселисъ принялся расхваливать Московское Государство, увѣрялъ, что въ немъ отличный порядокъ и въ доказательство, что тамъ можно жить, приводилъ въ примѣръ самого себя.

Самъ королевичъ неохотно ѣхалъ въ московскую землю, тѣмъ болѣе, что первый пріемъ, испытанный имъ въ этой землѣ, не понравился ему. Но король отецъ хотѣлъ сбыть и пристроить своего сына. Марселисъ успоконвалъ принца, ручался своею головою, что ему будетъ хорошо. «А какая мнѣ польза въ твоей головѣ, если мнѣ будетъ дурно?» — отвѣчалъ ему королевичъ и соглашался ѣхать только по волѣ отца.

Марселиса отправили назадъ къ царю и поручили

что царскихъ дочерей никто не видитъ, кромѣ самыхъ близкихъ боярь, и портрета съ нихъ не снимаютъ «для остереганья ихъ государскаго здоровья». Но портрета не потребовали.

передать условія, на которыхъ королевичъ можетъ пріѣхать въ Москву. Требовалось, чтобы королевичу не было никакого принужденія въ вѣрѣ, чтобы онъ зависѣлъ отъ одного только царя, чтобы удѣлъ, назначенный ему тестемъ, былъ наслѣдственный, чтобы государь дополнялъ ему содержаніе денежнымъ пособіемъ, если доходовъ съ удѣла будетъ мало.

Царь на все далъ согласіе, уступалъ на вѣчныя времена зятю Суздаль, Ярославль и, вдобавокъ, обѣщалъ дочери приданаго 300.000 рублей.

Королевичъ, встрѣчаемый на своемъ пути въ Московскомъ Государствѣ хлѣбомъ-солью и дарами, прибылъ въ Москву 21 января 1644 года и былъ принятъ съ чрезвычайнымъ почетомъ. Стройные ряды служилыхъ и приказныхъ людей въ праздничныхъ одеждахъ сопровождали его до Кремля, а по улицамъ на пути его были разставлены стрѣльцы безъ оружія: то былъ особый почетъ, котораго не оказывали никому другому. Это означало, что царь считаетъ принца не гостемъ, а членомъ своего царскаго дома, который, находясь въ безопасности посреди вѣрныхъ подданыхъ, не нуждается въ оружіи. По прибытіи принца въ назначенное для него помѣщеніе, поднесли ему отъ всѣхъ городовъ Московскаго Государства хлѣбъ-соль и разные дары, состоящіе изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, соболей и дорогихъ тканей. Англійскіе и голландскіе купцы также поднесли ему богатые дары.

Черезъ четыре дня царь первый посѣтилъ нареченнаго зятя и обласкалъ. 28 января ему сдѣланъ былъ торжественный пріемъ при дворѣ; царь, одѣтый въ свое царствовенное облаченіе, обнималъ, цѣловалъ его и посадилъ рядомъ съ собою по правую руку; по лѣвую сидѣлъ царевичъ Алексѣй Михаиловичъ. Въ тотъ же день былъ торжественный обѣдъ, и принцъ опять сидѣлъ рядомъ съ царемъ. Послѣ обѣда принца одарили богатыми подарками отъ царя и царевича, а черезъ два дня царица прислала ему двѣ дюжины полотенецъ, имѣвшихъ символическое значеніе свадебнаго подарка.

Все шло, казалось, какъ нельзя лучше, какъ неожиданно 6 февраля царь прислалъ сказать принцу,

чтобъ онъ принялъ греческую вѣру и тогда уже можетъ жениться.

Принцъ былъ пораженъ такимъ требованіемъ и сначала думалъ, не испытываютъ ли его. Онъ отвѣчалъ, что не приметъ греческой вѣры и ссылался на договоръ; увѣрялъ, что не пріѣхалъ бы, если бы зналъ, что поднимется рѣчь о вѣрѣ, и замѣтилъ, что бракъ уже, нѣкоторымъ образомъ, заключенъ; если расторгнуть его, то отъ этого датской коронѣ будетъ нанесено оскорбленіе, а про царя пойдетъ дурная слава.

Вслѣдъ затѣмъ, 13 февраля царь, пригласивши къ себѣ королевича, сказалъ: «король, твой отецъ, велѣлъ тебѣ быть у меня въ послушаніи; мнѣ угодно, чтобы ты принялъ православную вѣру».

— Я кровь свою готовъ пролить за тебя, — отвѣчалъ королевичъ, — но вѣры не перемѣню. Въ нашихъ государствахъ ведется такъ, что мужъ держитъ свою вѣру, а жена свою.

— А у насъ — сказалъ царь, — мужъ съ женою разной вѣры быть не могутъ.

Королевичъ просилъ отпустить его домой, но царь отвѣчалъ, что отпустить его «непригоже и нечестно, не соверша добраго дѣла».

Съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ Вольдемаръ письменно обращался къ царю, уличалъ его первою грамотою, въ которой сказано было прямо и положительно, что его не будутъ неволить въ вѣрѣ. Царь на это отвѣчалъ, что ему и теперь нѣтъ неволи, но въ грамотѣ, посланной къ датскому королю, не сказано, чтобы королевича не призывать къ соединенію въ вѣрѣ. Королевичъ повторилъ свою просьбу отпустить его, но его не отпускали и продолжали уговаривать принять православіе.

Приходили къ нему бояре, увѣряли, что невѣста его хороша собою, умна, и если онъ увидитъ ее, то непремѣнно полюбитъ: она не напивается пьяною, подобно московскимъ женщинамъ; для такой красавицы можно перемѣнить вѣру.

Присылалъ къ королевичу партіархъ, предлагалъ устроить диспутъ о вѣрѣ и убѣждалъ Вольдемара принять православіе. Королевичъ соглашался на испутъ, за-

мѣтивши, что онъ лучше всякаго попа знаетъ Библію. Потомъ патріархъ прислалъ ему длинное увѣщеваніе чуть не въ 48 саженъ, по замѣчанію датчанъ, по королевичъ, между прочимъ, отвѣчалъ ему: «Если я буду невѣренъ Богу, то какъ можно полагаться на мою вѣрность царскому величеству?»

Датскіе послы просили себѣ отпуска и требовали, чтобы вмѣстѣ съ ними отпустили и королевича. Но имъ сказали, что королевича не отпустятъ, потому что король отдалъ его царю на всю волю. Чтобы принцъ не убѣжалъ, стали надзирать за нимъ и держать, какъ будто подъ стражею.

Ночью, 9 мая, королевичъ дѣйствительно сдѣлалъ попытку къ бѣгству, но его остановили стрѣльцы у Тверскихъ воротъ; съ тѣхъ поръ стали строже присматривать за нимъ и за его людьми и попрежнему уговаривали принять православіе.

Послѣ неудачной попытки къ бѣгству, принцъ рѣшился на диспутъ и поручилъ его вести за себя своему придворному пастору Матѳею Фильбахеру. Диспуты происходили нѣсколько разъ въ домѣ принявшаго православіе нѣмца Францбекова. Съ русской стороны былъ ключарь Насѣдка, нѣсколько грековъ и одинъ перекрещенный славянинъ, князь Димитрій Альбертовичъ Далмацкій. Споры вращались, главнымъ образомъ около вопроса о способѣ крещенія. «Я, — сказалъ пасторъ своимъ противникамъ, — прочиталъ нѣмецкихъ, латинскихъ, греческихъ и еврейскихъ книгъ болѣе, чѣмъ вы видѣли ихъ и будете видѣть, только я никого хулить не хочу и имѣю надежду, что когда его царское величество заведетъ въ своемъ государствѣ школы и академію, тогда вы узнаете, что значитъ быть ученымъ и неученымъ»... Диспуты не привели ни къ чему. Въ концѣ іюня объявили королевичу, что царь отправитъ къ датскому королю одного изъ датскихъ пословъ и когда получитъ отъ короля письмо, тогда царь отпуститъ принца. Но потомъ снова стали уговаривать Вольдемара принять православіе; онъ далъ рѣшительный отказъ.

Съ тѣхъ поръ, однако, долго не тревожили принца увѣщаніями. Съ нимъ обращались очень почтительно.

Царь приглашалъ его къ столу; устраивали для него охоту. 17 сентября царь, вмѣстѣ съ царевичемъ, былъ у него на обѣдѣ, проводили время весело, и когда дворецкій Морозовъ вздумалъ-было заговорить о вѣрѣ, царь и царевичъ прогнали его.

29 ноября подано было царю письмо отъ датскаго короля. Король просилъ царя: если ему угодно нарушить договоръ, то пусть тотчасъ отпуститъ его сына въ Данію. На это письмо не было дано никакого отвѣта; принцъ добивался рѣшенія своей участи; ему говорили, что царь нездоровъ. Между тѣмъ, царевичъ Алексѣй бывалъ у него и обращался съ нимъ по дружески. Наконецъ, въ концѣ декабря, царь пригласилъ королевича къ себѣ и убѣдительно просилъ принять греческую вѣру. Королевичъ сказалъ наотрѣзъ, чтобъ царь либо совершилъ свадьбу, либо отпустилъ его немедленно.

— Свадьбы совершить нельзя, — сказалъ царь, — пока ты останешься въ своей вѣрѣ, а отпустить тебя невозможно, потому что король прислалъ тебя состоять въ нашей царской волѣ и быть нашимъ сыномъ.

— Лучше я окрещусь въ собственной крови, — отвѣчалъ королевичъ.

Въ началѣ 1645 года королевичъ написалъ царю рѣзкое письмо, напоминалъ, что онъ и его люди не холопы царя; говорилъ, что царь поступаетъ такъ, какъ не поступаютъ невѣрные турки и татары, и что онъ, королевичъ, будетъ отстаивать свободу силою, хотя бы ему пришлось потерять голову.

Письмо это осталось безъ отвѣта.

Ожидали пріѣзда польскаго посла. Думный дьякъ сообщилъ королевичу, какъ будто за тайну, что польскій посолъ хочетъ сватать царевну Ирину за своего короля и поэтому ему нужно подумать, чтобъ у него не отбили невѣсты. Королевичъ понялъ, что это уловка, засмѣялся и сказалъ: «Такъ, значитъ, и польскій король будетъ перекрещиваться!»

Пріѣхалъ польскій посолъ Гавріилъ Стемпковскій. Королевичъ обратился къ его посредству, писалъ и къ самому польскому королю, убѣждалъ вступиться за него. Стемпковскій по приказанію своего короля заговорилъ

съ боярами о дѣлѣ королевича, но бояре стали, съ своей стороны, просить его, чтобъ онъ убѣждалъ Вольдемара принять православную вѣру, и представляли, что королевичъ получитъ большія выгоды: царь прибавитъ ему еще болѣе земель, чѣмъ обѣщалъ, даже Новгородъ и Псковъ отдастъ ему. Польскій посолъ подавалъ совѣтъ королевичу, что не слѣдуетъ отказываться отъ такой выгодной женитьбы, но королевичъ отвѣчалъ, что на перемѣну вѣры могутъ соглашаться только люди, которые не дорожатъ совѣстью для временныхъ благъ, а онъ ничего теперь не желаетъ, кромѣ возвращенія на родину. Стемпковскій представилъ боярамъ, что королевича ничѣмъ нельзя склонить, а потому остается отпустить его. Бояре, въ отвѣтъ на такую просьбу, стали грозить, что если королевичъ будетъ упорствовать, то отъ него отдалятъ всѣхъ его людей и окружатъ русскими; если же и это не пособитъ, то самого принца сошлютъ въ какое-нибудь далекое мѣсто и станутъ помогать Швеціи противъ Даніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы тянуть дѣло, предлагали еще разъ религіозный диспутъ въ присутствіи царя и королевича.

Польскій посолъ передалъ слышанную имъ угрозу королевичу, и тотъ далъ такой отвѣтъ: «пусть царь ссылаетъ меня въ Сибирь; я готовъ переносить за вѣру всякое горе; пусть прикажетъ убить меня, лучше мнѣ умереть съ чистою совѣстью, чѣмъ жить въ почетѣ съ нечистою, а что онъ грозитъ Даніи, то пусть знаетъ, что Данія какъ прежде обходилась, такъ и теперь можетъ обходиться безъ русской помощи!.. Пусть, однимъ словомъ, царь дѣлаетъ, что хочетъ, только поскорѣе». Польскій посолъ передалъ все это боярамъ, но, по просьбѣ ихъ, еще разъ убѣждалъ королевича исполнить желаніе царя и согласиться на религіозный диспутъ.

—

Предложенный русскими диспутъ состоялся 4 іюля въ присутствіи польскаго посла, но безъ королевича и безъ царя. И на этотъ разъ спорили болѣе всего о креще-

ніи. Диспутъ ни къ чему не привелъ, а вслѣдъ затѣмъ кончина царя дала иной поворотъ этому дѣлу[1]).

Въ тѣ же послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳедоровича происходило другое, не менѣе любопытное дѣло съ Польшею.

Назадъ тому тридцать лѣтъ, когда привезли Марину Мнишекъ съ сыномъ въ Москву съ Яика, былъ въ Москвѣ полякъ Бѣлинскій. Онъ составилъ планъ спасти сына Марины отъ смерти, на которую былъ осужденъ ребенокъ. Для этого онъ намѣревался подмѣнить сына Марины другимъ мальчикомъ, сыномъ убитаго прежде въ Москвѣ поляка Лубы, оставшимся сиротою въ чужой сторонѣ. Предпріятіе не удалось. Сына Марины повѣсили. Тогда Бѣлинскій вздумалъ назвать сыномъ Марины того мальчика, котораго прежде готовилъ на погибель вмѣсто настоящаго. Онъ увезъ его съ собою въ Польшу, сталъ называть царевичемъ Иваномъ Дмитріевичемъ и распространялъ разсказъ о томъ, какъ Марина, находясь еще въ Калугѣ, поручила ему увезти ея ребенка въ Польшу. По совѣту шляхты, Бѣлинскій донесъ объ этомъ королю. Король Сигизмундъ нашелъ, что такъ съ Московскимъ Государствомъ дѣла еще не покончены, то не безполезно будетъ, на всякій случай, про запасъ, держать царевича, и приказалъ отдать его на сохраненіе литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ, назначивши на содержаніе мнимаго Ивана Дмитріевича по шести тысячъ золотыхъ въ годъ. Сапѣга отдалъ его въ обученіе игумену брестскаго Симеоновскаго монастыря Аѳанасію. У этого игумена мальчикъ пробылъ семь лѣтъ, а потомъ проживалъ во дворѣ Сапѣги, назывался царевичемъ и самъ былъ увѣренъ, что онъ царевичъ. При Владиславѣ, когда, послѣ новой войны съ Московскимъ Государствомъ, заключенъ былъ вѣчный миръ, король запретилъ называть Лубу царевичемъ. Разжалованный царевичъ обратился къ Бѣлинскому съ вопросомъ: кто онъ таковъ и кто его родители? Бѣлинскій объявилъ ему истину.

Между тѣмъ, Левъ Сапѣга скончался. Бывшій царе-

---

[1]) Королевичъ вернулся въ Данію въ слѣдующее царствованіе. Бракъ его съ Ириною не состоялся.

вичъ остался безъ пріюта и безъ средствъ: ему перестали выдавать прежнее содержаніе. Онъ опредѣлился на службу къ пану Осовскому, а потомъ перешелъ къ пану Осинскому и жилъ у него писаремъ въ Брестѣ.

Воспитатель этого невольнаго самозванца, игуменъ Аѳанасій, вѣроятно, желая подслужиться московскому царю, сообщилъ о немъ русскимъ посламъ, которые въ 1644 году пріѣзжали въ Польшу съ цѣлью толковать о разныхъ недоразумѣніяхъ, возникшихъ между порубежными жителями обоихъ государствъ. Аѳанасій представилъ письмо, писанное рукою Лубы.

Московскіе послы стали укорять канцлера Оссолинскаго и другихъ сенаторовъ въ томъ, что они держатъ и укрываютъ человѣка, затѣвающаго зло Московскому Государству. Паны объяснили, что этотъ человѣкъ назывался царевичемъ прежде, а теперь уже не называется этимъ именемъ, и объявили, что выдавать невиннаго человѣка противно всякимъ правамъ. Показали посламъ Лубу. Онъ разсказалъ о себѣ всю правду и увѣрялъ ихъ, что не называется болѣе царевичемъ. Но московскіе послы подали канцлеру письмо, писанное собственною рукою Лубы: въ этомъ письмѣ онъ хотя и подписался Иваномъ Фавстиномъ Лубою, но выразился, что письмо его писано на «царевичевомъ обѣдѣ» въ «царевичевой господѣ». Канцлеръ далъ посламъ такое объясненіе:

«Слова эти не показываютъ преступленія, есть много мѣстъ и селъ, называемыхъ «Царево» или «Королево»; онъ не подписался царевичемъ, онъ подписался даже латинскимъ именемъ: это служитъ яснымъ доводомъ, что Луба себя царевичемъ не называетъ».

Наконецъ, паны объявили, что Луба поѣдетъ въ ксендзы. Московскіе послы замѣтили, что первый воръ, назвавшій себя Димитріемъ, былъ постриженъ, а это не мѣшало ему затѣять воровское дѣло, и требовали выдачи самозванца на казнь.

Поляки рѣшили угодить московскому государю и послали въ Москву Лубу съ своимъ посломъ Стемпковскимъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, польскій король просилъ царя отпустить Лубу назадъ, какъ невиннаго человѣка.

Въ это время одинъ грекъ изъ Константинополя, архимандритъ Амфилохій, прислалъ въ Москву копію съ письма, писаннаго по-малорусски къ султану человѣкомъ, который называлъ себя московскимъ царевичемъ Иваномъ Димитріевичемъ. Амфилохій сообщилъ, что письмо это принесли ему какіе-то турки для перевода, такъ какъ онъ зналъ по-русски. Трудно рѣшить: былъ ли это самозванецъ, Луба, или кто другой, или же самое письмо было выдуманное.

Начались въ Москвѣ толки о Лубѣ. Бояре домогались его выдачи. Польскій посолъ защищалъ Лубу, увѣрялъ, что онъ невиновенъ, что онъ намѣренъ поступить въ духовное званіе и никакъ не можетъ быть опасенъ для царя[1]).

Среди этихъ переговоровъ смертельная болѣзнь поразила царя Михаила Ѳеодоровича. Еще съ конца 1644 года государь, по болѣзни, не выходилъ изъ своихъ покоевъ. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года болѣзнь его усилилась. Иностранные доктора находили, что недугъ, постигшій царя, произошелъ отъ многаго сидѣнія, отъ холоднаго питья и меланхоліи, «сирѣчь кручины». По описываемымъ примѣтамъ, царь пораженъ былъ водяною. 12 іюня 1645 года онъ скончался.

Ближайшимъ къ нему лицомъ предъ смертью былъ боярин Морозовъ, дядька наслѣдника престола. Благословляя сына на царство, царь поручилъ своего юнаго преемника отеческой опекѣ этого боярина.

---

[1]) Преемникъ Михаила Ѳеодоровича приказалъ отпустить Лубу съ тѣмъ, чтобъ король и сенаторы поручились за Лубу, что онъ не будетъ имѣть никакихъ притязаній на Московское Государство и не станетъ называться царскимъ именемъ.

КН. А. ВОЛКОНСКІЙ

„Историческая правда и украинофильская пропаганда“

I. Терминологія: значеніе словъ „Украйна“, „Ruthenia“ и „Россія“ въ разные вѣка. II. Единство до-монгольской Руси. III. Три вѣтви русскаго народа: этнографія и политическія судьбы. Польскій имперіализмъ. IV. Кому принадлежатъ Черноморскія степи? Очеркъ территоріальнаго роста русскаго государства. Была-ли когда Украйна независимой? V. Культура общерусская, а не украинская; свидѣтельства былинъ и древней письменности. VI. Современное положеніе вопроса. Внѣшніе факторы сепаратизма: Австро-Германія; Союзники; большевизмъ. Внутренніе факторы. Вопросъ языка. VII. Выводъ: федеративная Россія. Схемы.

200 страницъ in 8⁰
Цѣна 8 ит. лиръ (5 фр., 9 шил.)

СКЛАДЫ

русскаго, французскаго и англійскаго изданій:

Въ ПАРИЖѢ: 1. J. Póvolotzky & Co., 13 rue Bonaparte; 2. Ficker, 6 rue de Savoie; 3. L. Rodstein, 17 rue Cujas.

Въ БЕРЛИНѢ: Книжный магазинъ „Москва“, Wilhelmstr. 20.

Въ ЛОНДОНѢ: Russian Liberation Committee, Fleet Street, 173, E. C. 4.

Въ КОНСТАНТИНОПОЛѢ: Книжный магазинъ „Русская Мысль“, Pera, Place du Tunnel, 2.

Въ НЬЮ-ІОРКѢ: Russian Information Bureau, Woolworth Building, City.

Выписывать не менѣе 25 экз. можно отъ автора: 22, Piazza Mignanelli, Roma (VI)
Стоимость пересылки ста экз. въ Америку — 400 лиръ, въ Лондонъ — 100 лиръ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУСЬ“ ВЪ ВѢНѢ

НОВАЯ КНИГА:

ИВ. НАЖИВИНЪ,—

„ЗАПИСКИ О РЕВОЛЮЦИИ“.

21 ПЕЧАТНЫЙ ЛИСТЪ

ЦѢНА 25 ГЕРМ. МАР.

ВЪ СТРАНАХЪ СЪ ВЫСОКОЙ ВАЛЮТОЙ НАДБАВКА 100 ПРОЦ.

ГЛАВНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО:

J. PERCKY, WIEN IX

WÄHRINGER-STRASSE 5/25

К-во „ДѢТИНЕЦЪ“

Серія I.

№ 1. Проф. Т. В. Локоть. — „Завоеванія революціи“.
№ 2. Герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій. — Воспоминанія объ „Украинѣ“.
№ 3. Проф. Д. И. Пестржецкій. — Около земли.

Серія II.

№ 1. Н. И. Костомаровъ. — Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.
№ 2. „ — Спасители Россіи въ XVII в.
№ 3. „ — Русскіе „воры“ въ старину.

Серія III.

№ 1. Ив. Наживинъ. — Во мглѣ грядущаго. — (Повѣсти).

Готовятся къ печати:

Б. Холлъ. — Много ли человѣку земли нужно (съ англ.).
Н. И. Костомаровъ. — Дѣятели русской церкви въ старину.
„ — Гетманъ Богданъ Хмельницкій.
Ив. Наживинъ. — Зеленя (для дѣтей).
Проф. Е. Шмурло. — Исторія Россіи.
Свѣтл. князь А. П. Ливенъ. — Записки (о борьбѣ съ красными).
Проф. баронъ М. А. Таубе. — Лига Націй.

Русская типографія Е. А. Гутнова, Berlin S. 14, Dresdnerstr. 82-83